

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23
С 323

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *А. Я. Троцкий*;
кандидат социологических наук *Л. В. Родионова*

Сергиенко А. М.

С 323 Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ [Текст] : монография. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. — 298 с.
ISBN 978-5-7904-1435-0

В монографии представлены результаты исследования тенденций и механизмов трансформации социально-экономической и социально-политической активности россиян на рынке труда в годы рыночных реформ. Особое внимание в работе уделяется анализу специфики трансформации активности жителей трех регионов Сибири (Алтайского края, Республики Алтай и Новосибирской области), в т. ч. проживающих в сельской местности, а также социальной политике как механизму регулирования активности.

В монографии представлены результаты многолетних исследований, проведенных под руководством или при участии автора и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Московского общественного научного фонда и Агентства США по международному развитию (USAID), АНО «Независимого института социальной политики» и Фонда Форда и др.

Монография адресована социологам, экономистам, политологам, аспирантам и студентам, может представлять интерес для ученых и практиков, занимающихся проблемами социальной политики, рынка труда, занятости и доходов населения.

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23

*Настоящее издание опубликовано в рамках реализации
Программы стратегического развития Алтайского
государственного университета*

ISBN 978-5-7904-1435-0

© Сергиенко А. М., 2013
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2013

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

1.1. Генезис исследования процессов активности населения на рынке труда и современные методологические подходы

Изменение социальной активности, в т. ч. активности на рынке труда, усложнение ее структурных компонентов анализировались в различных социальных науках. Рассмотрим генезис исследований социальной активности на рынке труда и затем дадим краткую характеристику основных методологических подходов к анализу социальной активности на рынке труда и процессов ее трансформации.

Генезис исследования социальной активности населения на рынке труда. В отечественной и мировой науке социологами, экономистами, философами, психологами разработаны различные подходы к изучению социальной активности населения как характеристики социальной деятельности и социального поведения.

Вопросы, связанные с социальным положением и поведением рабочего класса и капиталистов, изучались еще в XIX в. Классические подходы к системному изучению социальной деятельности и поведения выработаны М. Вебером, Т. Вебленом, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, В. Зомбартом, К. Марксом, В. Парето, Ф. Теннисом [27–30, 36, 58, 73, 114, 146, 147, 244]. Основоположителем деятельностного подхода признан М. Вебер, его теория социального действия стала фундаментом социологического анализа

социальных процессов общества. М. Вебер описал идеальную (чистую) модель социального действия в рамках экономической культуры капитализма и показал, как глубинная внутренняя система ценностей людей влияет на их социальное поведение. В своей теоретической модели В. Парето разграничил социальные и экономические действия и подчеркнул, что социальную систему приводят в движение социальные действия людей, наделенных чувствами. В связи с этим он исследовал нерациональные (нелогические) образцы экономического поведения. К. Маркс в своей теории классовой борьбы показал диалектику социально-экономических отношений и деятельности, их влияние на социальную жизнь общества.

В XX столетии наиболее продвинул понимание социального действия социолог-теоретик Т. Парсонс. Опираясь на идеи М. Вебера, Э. Дюркгейма и В. Парето, он разработал концепцию социальной деятельности, суть которой состоит в том, что социальные индивиды и группы взаимодействуют друг с другом и выполняют в рамках системной целостности общества дифференцированные функции. Теория социального действия М. Вебера, развитая Т. Парсонсом и другими социологами, позволила значительно углубить и конкретизировать понимание механизмов социальной деятельности и поведения. Социальное действие включает, по Т. Парсонсу, символические механизмы регуляции (язык, ценности), нормативную зависимость индивидуального действия от общепринятых социальных ценностей и норм, а также волюнтаристичность, известную иррациональность, определяемую степенью независимости от условий социальной среды и зависимостью от субъективных восприятий ситуации. Мотивационная структура субъекта действия, или, по Т. Парсонсу, структура «потребностных диспозиций», включает в себя когнитивную, катактическую (способность различать в ситуации положительные и отрицательные для личности значения) и оценочную ситуации [132–134]. В рамках структурно-функционального анализа Т. Парсонс и Н. Смелзер представили институциональную и социокультурную интерпретацию экономического действия как подсистемы социального действия.

Значительный вклад в изучение социального и экономического поведения внесли также труды Г. Беккера, Д. Белла, К. Бруннера, П. Вайзе, Дж. Голдторла, М. Грановеттера, П. Димаггио, Дж. Коулмена, С. Линденберга, У. Меклинга, К. Поланьи, Р. Сведберга, А. Сена, А. Стинчкомба, Р. Холтона, Ю. Эльстера, А. Этциони и др., представляющие результаты анализа человека «экономического» и человека «социологического» и соответствующих им моделей поведения [16, 18, 36, 71, 137, 139, 146, 147, 242, 243].

Разработкой теоретических и практических проблем социальной деятельности и социального поведения различных групп и слоев общества населения давно и активно занимались отечественные социологи, экономисты, философы в дореволюционной и послереволюционной России. Исследования российских ученых второй половины XIX — начала XX вв. показывают, что теоретическое представление о социальной деятельности и поведении развивались преимущественно в рамках изучения проблем труда.

Проблемы труда и трудовых отношений находились в центре внимания исследователей с самого начала появления социологии в России в середине XIX в. До 1917 г. анализ социальной активности в сфере труда был связан с изучением аграрных отношений (В. В. Берви-Флеровский), рассматривались особенности труда сельского населения в разных типах сельскохозяйственной организации трудовых отношений (помещичьих, фермерских, кулацких и крестьянно-общинных хозяйствах).

В конце XIX в. с развитием промышленности и ростом эксплуатации труда рабочих объектом внимания ученых становятся вопросы их социального положения в сфере труда (организация и условия труда, уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, вопросы заработной платы и стимулирования труда, условия найма и трудовые конфликты) и качественного состава рабочих, их профессиональных и социально-психологических качеств (в работах К. А. Пажиного, С. Н. Поплавского, С. Н. Прокоповича, В. Светловского). Одновременно в рамках марксистской теории рассматриваются вопросы классовой борьбы и роли рабочего класса в развитии общества (А. А. Богданов, М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. Б. Струве, П. А. Сорокин и др.). В этот период можно особо выделить труды русского философа С. И. Булгакова, раскрывшего в своей теологической трактовке хозяйственных отношений («Философия хозяйства») творческую природу человеческого труда как волевого усилия личности и поставившего вопрос о «сверххозяйственной цели хозяйства».

20–30-е годы XX в. в России связаны с изучением факторов трудового поведения работников на макроуровне, в т. ч. вопросов стимулирования и мотивации труда (С. Г. Струмилин). В этот же период активно проводятся практические исследования, связанные с формированием нового типа работников и трудовой культуры как важнейшего фактора организации труда, разработкой механизмов внедрения новых форм организации труда и управления им (Центральный институт труда во главе с А. К. Гастевым), творческой инициативы работников (П. М. Керженцев,

И. М. Бурдянский, М. Л. Рудаков), развитием психотехнологий регулирования трудовой активности (профорентация и профотбор, профконсультирование, рационализация и НОТ, психогигиена и психотерапия), социальным положением рабочей молодежи.

Новый этап в развитии социологии России в 1960–1980-х гг. характеризовался обращением в первую очередь к анализу реальных проблем трудовой активности. После значительного перерыва в развитии социологической науки наблюдалась активизация исследований в области трудовых отношений, мотивации и поведения. Особо следует отметить направление исследований ленинградских социологов под руководством В. А. Ядова, Л. С. Бляхмана, О. И. Шкаратана (см. монографию «Человек и его работа», 1967). Значительное внимание уделялось проблемам трудовой мотивации, ценностных ориентаций, отношения к труду, организации и условий труда, социальной структуры рабочих. В частности, тезис о двойственности труда (как средства к существованию и как первой жизненной необходимости) был дополнен положением о труде как источнике внутреннего удовлетворения при условии его богатого, насыщенного содержания. Рассматривались особенности трудового поведения представителей умственного и физического труда, работников, занятых неквалифицированным и квалифицированным трудом, творческим трудом, мотивы их трудового поведения. Результаты исследований показали наличие сложной взаимосвязи между трудовой мотивацией и реальным поведением работников, в частности, удовлетворенность трудом неоднозначно влияла на текучесть кадров.

1970-е годы принесли всплеск интереса к проблемам планирования социального развития страны. Наиболее эффективной оказалась «заводская социология», востребованная обществом и вызванная к жизни потребностями социального развития предприятий, поскольку решала насущные социально-трудовые вопросы. Вопросами мотивации и организации труда активно занимались в эти годы также московские ученые Л. А. Гордон, Н. Ф. Наумова, Г. В. Осипов, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тощенко и др., проблемами трудовых конфликтов и социального планирования в трудовых коллективах — новосибирские ученые Ф. М. Бородкин, В. И. Герчиков, проблемами культуры труда — Л. Н. Коган, представитель уральской школы социологов.

Параллельно этому в философско-социологической литературе велась разработка системного представления о социальной активности, в работах В. С. Барулина, В. Н. Иванова, М. Н. Руткевича, Ж. Т. Тощенко

и других ученых обобщены представления об исходных элементах и основных сферах жизнедеятельности людей.

В первой половине 1990-х гг. наблюдался значительный спад исследовательского интереса к проблемам социально-трудовой активности, происходило освоение теорий и прикладных достижений зарубежных ученых, переосмысление накопленного ранее потенциала в данной области отечественной социологии, освобождение от идеологического наслонения, в т. ч. от «марксистских» догм о труде как первой жизненной необходимости и как социально полезной деятельности преимущественно на государственных промышленных предприятиях (без учета труда по ведению домохозяйства, воспитанию детей, предпринимательства и др.), о вознаграждении за труд адекватно трудовому вкладу, об отсутствии трудовых конфликтов, сплоченности трудовых коллективов и т. д. Одновременно с начала 1990-х гг. начинают формироваться и со второй половины десятилетия получают быстрое развитие новые направления в социологии труда, связанные с исследованием положения и поведения безработных, предпринимательства как трудовой активности, трудовой мотивации и активности на приватизированных и новых частных предприятиях, трудовых конфликтов и протестного поведения, экономической активности в неформальной и теневой экономике, социальной политики по регулированию рынка труда и др. И с начала 2000-х гг. завершился кризис в развитии социологии труда, активно формируются новые направления и даже отраслевые науки в социологии, связанные с изучением социальной активности на рынке труда, в т. ч. такие, как экономическая социология, социология рынков, социология рынка труда.

Важное значение в понимании реальных проблем социальной активности в условиях изменившегося характера участия государства в социально-экономической и социально-политической деятельности общества и его социальных групп, слома старых механизмов управления социально-трудовой сферой, в осмыслении моделей социальной активности населения имеют масштабные исследования и тщательный анализ социальной ситуации и социальной политики в отношении рынка труда, проведенные на уровне страны и ее отдельных регионов в рамках мониторинговых исследований ВЦИОМ, а также в коллективах, возглавляемых З. Голенковой, Л. Гордоном, М. Горшковым, С. Григорьевым, Т. Заславской, З. Калугиной, Р. Капелюшниковым, Ю. Левадой, Т. Малевой, В. Радаевым, Н. Римашевской, Р. Рывкиной, Т. Шаниным, В. Ядовым и отдельными учеными.

Современные методологические подходы к социологическому анализу процессов трансформации активности населения на рынке труда.

Для познания процессов трансформации социальной активности в меняющемся обществе, обнаружения конкретных эмпирических моделей действительно трансформирующейся в российском обществе активности людей на рынке труда в данных условиях и в данный период наиболее подходящим является социологический подход. Социология позволяет изучать *количественные и качественные закономерности динамики социальной активности в меняющемся обществе*. Кроме того, именно социология в исследовании механизмов общественных изменений делает акцент на *групповом уровне* социальной активности.

Достаточно близким к социологическому подходу в исследованиях активности людей является *экономический подход*, поскольку феномен активности в интересующей нас постановке предполагает анализ социальных практик деятельности и поведения, выбор жизненных целей и средств их достижения. Экономический подход позволяет «заземлить» проблему человеческого поведения и проникнуть в механизмы его реализации субъектом, имеющим определенные жизненные ценности, цели и возможности их достижения в данных условиях и обстоятельствах. Однако констатация того, что поведение социального субъекта в каждый момент времени определяется максимизацией полезности (или приближением к ней), мало продвигает нас к пониманию сущности феномена социальной активности в условиях трансформации. По сути здесь не рассматриваются важнейшие для социологов проблемы адаптации, взаимодействия в условиях определенной среды, свободы действия, поскольку неявно предполагается, что социальный субъект в каждый момент времени реализует максимальную (или близкую к ней) степень и наиболее эффективную стратегию активности, доступную ему в данных условиях и при данных ресурсах.

Зависимость тех или иных элементов индивидуальной активности (целей, возможностей, стратегий, видов и форм и др.) от интересов других индивидов (социальных групп, государства), а следовательно, и ограничения, накладываемые на одних другими, находятся вне поля зрения сторонников экономического подхода. У разных социальных групп разные жизненные цели и возможности, разные затраты на достижение примерно одинаковых целей и разные шансы реализовать удачные, эффективные стратегии активности в ходе реформ. В условиях ограниченных ресурсов они отказываются от разных по значимости жизненных целей. Экономический подход не принимает во внимание эти аспекты социальной жизни.

Несмотря на широту экономического предметного поля очевидно, что экономического научного арсенала недостаточно для исследования тенденций и механизмов трансформации активности населения на рынке труда (на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях) в том или ином конкретном обществе и при тех или иных конкретных обстоятельствах. В условиях кардинальных общественных перемен повышается потребность в выявлении реальных тенденций и закономерностей динамики социальной активности в годы реформ, что предполагает разработку соответствующих теоретико-методологических положений анализа, которые, опираясь на достижения экономики, ее концепции и теории, вместе с тем основываются на большей эмпиричности и детальности научного анализа, иных акцентах в исследовании проблемы активности.

В частности, перспективной, с точки зрения исследования глубинных основ и правил социальной активности, является неоклассическая *институциональная парадигма* (Р. Коуза, А. Алчиана, Д. Норта), расширившая анализ социального и экономического поведения за счет таких новых компонентов, как различные «контрактные» системы (организации). В американской «новой экономической социологии» особое место занимают труды М. Грановеттера, Х. Уайта и других ученых, связанные с разработкой концепции структурной детерминированности экономического действия. По мнению М. Грановеттера, все современное общество не ограничивается традиционной дихотомией «Рынок — Иерархия», оно все пронизано сетями социальных связей. На рынке труда с их помощью распространяется информация о рабочих местах, существующие нормы социальных отношений сдерживают свободную конкуренцию за рабочие места. Благодаря образованию коллективных организаций они являются мощным фактором сегментации рынка труда [36, 146, 232, 243].

Для анализа социальной активности населения в неблагополучных условиях жизнедеятельности населения в территориальных общностях особое значение имеют работы в рамках *социоэкономики* (А. Этциони), вводящие в анализ экономического поведения человека ось морального измерения, и *моральной экономики* Дж. Скотта, выросшей из институционализма К. Поланьи и обращающей внимание на роль традиционных («нерациональных») мотивов поведения [31, 137, 146, 147].

Используя эконометрический подход в экономической теории, Г. Беккер, Я. Менсер и Т. Шульц разработали в 1960-х гг. *концепцию «человеческого капитала»*, согласно которой работник пытается максимизировать свои доходы за весь жизненный цикл, решая вопрос об инвестировании времени и средств в повышение собственных производительных возмож-

ностей путем получения образования и накопления опыта. Размеры вложений в образование определяются индивидуальными способностями человека и его классовой принадлежностью, измеряемой материальным благосостоянием родителей. Индивидуальной психологической склонностью (propensity) к труду и к мобильности, а также размерами накопленного «человеческого капитала» объясняется и частота смены рабочих мест [146, с. 18].

В современных исследованиях процессов российской трансформации, проводимых отечественными экономистами, наглядно проявляется влияние институционального подхода и социэкономии. Анализ данных процессов осуществляется с использованием преимущественно экономико-институциональных факторов, главным образом экономической политики государства, экономических реформ, а именно: либерализации цен и приватизации, особенностей их реализации в России, приведшие к формированию монопольных и рентных доходов и, как следствие, «великому перераспределению доходов» и другим социальным последствиям (см. в работах Ю. Овсиенко, Н. Петракова и др. [127, 197]).

В социологии разработано множество методологических подходов к анализу процессов трансформации социальной активности. Исследования в области изучения активности на рынке труда и механизмов ее формирования выполняются довольно часто в рамках классического **системно-структурного подхода**, позволяющего получить системное представление об активности населения на рынке труда, его компонентах и функциях. В качестве системообразующей основы активности рассматриваются человеческие потребности, а социальная активность анализируется как комплекс действий для удовлетворения потребностей различного уровня: от первичных (в питании, одежде, жилье, здоровье, семье и продолжении рода) до социальных (потребности развития личности, получения информации, общения и др.).

Системная и структурно-функциональная теории Т. Парсонса, Р. Мертона, Д. Аберле и их современные варианты — неофункционализм Дж. Александера и П. Поломи, синергетика и др. [60, 169, 187], — которым исследователи в области социальной активности уделяли до последнего времени повышенное внимание, выигрышны при анализе структуры социальной активности, характера социального взаимодействия отдельных акторов, совокупности факторов и механизмов ее формирования, а также последствий ее реализации. Наряду с несомненными преимуществами данный подход имеет ряд общих и частных ограничений в познании реальных процессов. Это касается общих трудностей теоретико-

методологического характера, возникающих у исследователей, например, при оценке процессов активности социальных групп и социальных неравенств как их результатов в условиях транзитивного общества, прогрессивности трансформации данных процессов и эффективности системы их регулирования. Системно-структурный подход предполагает рассмотрение общества как стабильно функционирующего, эволюционно развивающегося, с сохранением устойчивых элементов и связей, что значительно затрудняет его использование в период кардинальных изменений общества.

Помимо системно-структурного подхода в его неоклассической трактовке, к современным теоретико-методологическим подходам в изучении трансформации социальной активности относятся социально-структурный, институциональный, деятельностно-активистский, социокультурный, конфликтологический, социоэкологический и др. Рассмотрим их возможности в исследовании процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда, продемонстрировав это на отдельных наиболее эффективных для целей нашего исследования теориях и концепциях.

Уровень развития российской социологической науки в 1990-х гг. характеризовался, по словам Т. В. Заславской, «отсутствием достаточно полного, надежного и конкретного знания социальных структур, институтов и механизмов функционирования современного российского общества», значительная часть которых является «теневыми», представляя как бы «подводную часть» нашего общественного «айсберга» [66, с. 9]. В отличие от того времени значительное число исследований трансформации социальной активности в 2000-х гг. проводится на основе социоструктурного и институционального подходов.

Особое место в отечественных исследованиях трансформационных процессов занимают **социоструктурный подход** и **теории социальной трансформации** (см. в работах З. Голенковой, Т. Заславской, Р. Рывкиной, П. Сорокина, В. Ядова и др. [19, 24, 43, 47, 53, 56, 65, 67, 70, 88, 115, 135, 156, 157, 159, 161, 174–175, 177, 182, 198, 222]). К теориям социальной трансформации относятся: 1) *теория социального дарвинизма*, определившая двигателем формирования общественной системы индивидуальные и эгоистические качества личности (как известно, исторический путь общественного развития не подтвердил истинность данной теории); 2) *теория социального детерминизма*, определившая заданность изменений в социальной структуре, где личный интерес растворяется в общественном, а нормой жизни являются стандартность и унификация.

Данная теория также не работает, поскольку регламентированных изменений в социальной структуре и социальной сфере общества не происходит; 3) *концепция цикличности социального развития*: по закону циклического развития Н. Д. Кондратьева, крупные социальные трансформации происходят в период «повышательных волн» больших экономических циклов, когда бурное развитие производительных сил вступает в противоречие с отставшими социально-экономическими отношениями и социально-правовым укладом общества; 4) *теория социальной мобильности*: по П. Сорокину, более высокая социальная мобильность (как процесс перемещения людей и социальных групп в рамках социальной структуры) является основополагающим фактором развития и кардинальных изменений общества [174, 175]). Теория социальной мобильности является одной из наиболее успешных и развиваемых в настоящее время. Российские исследователи изучают социальную мобильность акторов рынка труда, динамику их социального положения как результат активности на рынке труда и влияния социальной политики (см. в работах З. Голенковой, Л. Гордона, С. Гришаева, Т. Заславской, Е. Игитхинян, З. Калугиной, Э. Клопова, Т. Малевой, Л. Миляевой, В. Радаева, И. Поповой, О. Фадеевой, М. Шабановой и др. [17, 43, 46, 52, 54, 55, 63, 64, 77, 80, 81, 112, 126, 141, 143, 154, 156, 180, 182, 287, 188, 204, 207, 209]).

В последние два-три десятилетия появился ряд новых теорий социальной трансформации. Среди них, например, *концепция трансформации экономической свободы* М. А. Шабановой, а также близкая к теории социальной мобильности *концепция антропометрического процесса* (выдвинута Берто и другими французскими учеными в 1970–1980 гг.). Так, согласно концепции антропометрического процесса социальная трансформация представляет собой целостный процесс производства, распределения и использования людей в социально-классовой структуре общества. При этом социальная трансформация не является следствием индивидуальных перемещений, а представляет собой *систему коллективных потоков, питающих социальную структуру общества*. Авторами концепции рассматривались кривые (траектории) социальной жизни человека с момента рождения, и на этой основе был сделан вывод о неравенстве шансов в социальных перемещениях при неравенстве условий жизни.

Другим современным методологическим подходом в исследовании трансформационных процессов, наряду с социоструктурным, является *институциональный подход*. Он позволяет анализировать глубинные основы взаимоотношений акторов рынка труда и акторов социаль-

ной политики, оценивать и прогнозировать изменение их «правил игры» и положения на «игровом поле». Социальные институты при этом рассматриваются как совокупность правил поведения, воздействующих на формирование и реализацию социальных отношений акторов: например, наемных работников и работодателей (см. в работах Т. И. Заславской, С. Г. Кирдиной и др. [67, 70, 86, 182, 156]).

Успешное использование институционального подхода в анализе экономической (хозяйственной) деятельности, в частности, продемонстрировано О. Э. Бессоновой при разработке теории «раздаточной экономики» [20, 182] и С. Г. Кирдиной при разработке теории «институциональных матриц» [86]. В работе О. Э. Бессоновой было показано, что «наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития — раздаточные экономики», причем «экономическая система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории — с IX по XX в., а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики» [20, с. 246].

С. Г. Кирдиной введено понятие институциональной матрицы как «устойчивой, исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, идеологической и политической» [86, с. 59]. В ее работе «Институциональные матрицы и развитие России» обоснована гипотеза о двух типах институциональных матриц, отличающихся комплексами образующих их базовых институтов: X-матрице, образованной институтами редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммунитарной идеологии, и Y-матрице, образованной институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии. С. Г. Кирдина показала, что в России доминируют институты X-матрицы, и сущностью трансформационного процесса в стране является поиск и формирование нового баланса базовых институтов (глубинных, исторически устойчивых форм социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого) и комплементарных.

Сплав социоструктурного, институционального подходов и теории человеческого капитала представлен в *теории трансформационного пространства* Т. И. Заславской. Согласно данной теории осями трансформации социального пространства являются «континуумы качественного состояния институциональной структуры, социально-группового строения и человеческого потенциала трансформирующихся обществ»

[67, 70, 156, 182]. Как отмечает Т. И. Заславская, взаимосвязанный анализ уровней и динамики этих характеристик позволяет получить достаточно полное представление как об особенностях трансформации разных обществ, так и о социальных траекториях каждого из них.

Комплексный анализ итогов трансформационных процессов на практике встречается крайне редко. Чаще их результативность оценивается с помощью критериев какого-то одного типа: институциональных, социоструктурных или социокультурных. Как считает Т. И. Заславская, это связано не только с трудностями системного исследования сложных явлений, но и с политическими причинами [67, 70, 156]. Использование преимущественно институциональных критериев позволяет представителям власти и связанным с ними учеными говорить о формальных успехах реформ, как бы не замечая деградиционных тенденций в социальной структуре, отражающих подлинный итог трансформации.

По словам В. Ядова, следствием трансформационных процессов в развитии человечества, вызвавшим развитие *трансформационного подхода* в исследованиях, является то, что «в общесоциальных теориях *структурно-системная и институциональная составляющие начинают уступать приоритет социально-культурным и деятельностно-субъектным*» [159, с. 11]. Теоретики деятельностного (деятельностно-субъектного, или деятельностно-активистского) направления макросоциологии формируют и развивают *концепции «морфогенеза»* вместо «морфостаза» (М. Арчер) [9], «*структуризации*» как непрерывного процесса преобразований социальных структур деятельными субъектами (Э. Гидденс) [40, 41], «*социального становления*» как термина, выражающего состояние «общества в действии» (П. Штомпка) [214].

Особое место в исследованиях активности людей на рынке труда с использованием *деятельностного подхода* занимает *экономическая социология*. Формирование в середине 1980-х гг. этой отрасли отечественного социологического знания, обогащение ее разработанными ранее западными теориями и концепциями, активное развитие междисциплинарных исследований в последнее десятилетие способствовали значительному продвижению в рассматриваемой области исследований. В рамках *экономико-социологического подхода* изучаются экономические интересы, мотивация и поведение социальных групп, в т. ч. активность на рынке труда (см. в работах В. И. Верховина, Т. И. Заславской, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной и др. [36, 70, 71, 146, 161]). При анализе активности людей на рынке труда на основе деятельностно-активистского подхода рассматриваются особенности проявления процессов активности

различных социальных субъектов (индивидов, социальных групп, организаций) под воздействием рынка труда как особой социальной среды, в т. ч. изучаются модели и стратегии активности, фиксируются поведенческие реакции на изменение социальной среды.

Богатую палитру возможностей анализа трансформационных процессов представляет **социокультурный подход**, реализованный в теории постиндустриального развития общества (Д. Белла), концепциях модернизации, конвергенции, информационного общества, парадигме «открытого общества» (Дж. Сороса), концепции глобализма, концепции альтернативной цивилизации и глобального империализма (А. Субетто) и др. В частности, перспективной в рассматриваемом отношении является парадигма «открытого общества», которая, по словам Дж. Сороса, рассматривается как «отражение положительной стороны демократии — максимальной степени свободы в сочетании с социальной справедливостью» (см.: — С. 452. Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества // Фин. изв. — 1998. — № 2). Практическое решение проблем, связанных с созданием открытого общества, будет означать одновременно и необходимость разработки механизмов регулирования социальной активности на международном рынке труда (в т. ч. международной социальной политики) в условиях открытости и экономической свободы мирового сообщества.

Не останавливаясь подробно на описании особенностей и оценке возможностей социокультурного подхода при изучении общественной трансформации (см. в работах Д. Белла, Н. Лапина, А. Субетто, Г. Югая, Я. Юхлера и др. [18, 105, 159, 222]), отметим лишь в качестве ограничения его применения при изучении социальной активности на рынке труда преимущественно социетальный уровень анализа и, следовательно, возникающие значительные трудности при эмпирической апробации на групповом и индивидуальном уровнях.

Кроме того, для ряда рассматриваемых теорий и концепций характерен излишний детерминизм в определении путей развития человеческого сообщества. Среди них одной из наиболее популярных являлась до последнего времени *теория модернизации*. Однако, по словам В. Ядова, «многие социальные теоретики нашего времени... весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества» [159, с. 10]. Их аргументы сводятся к следующим моментам: 1) преимущественно *социально-историческому процессу* (в отличие от естественно-исторического) *развития чело-*

вечества, поскольку решающую роль приобретают в наше время субъектные факторы, т. е. «способность социальных субъектов... упреждать или сдерживать нежелательные опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным»; 2) *многовариантности модернизационного развития западных и восточных обществ*, в отличие от предписываемой идеальной «европейско-американской» модели; 3) *отказу от представления об утрате сущностных свойств общинного и переходе к обществу современного типа как о безусловном благе для развития человечества*¹ и, как следствие вышесказанного; 4) *объективной недерминированности происходящих изменений в обществе* [159, с. 10–12].

Эффективной в методологическом отношении базой исследования трансформационных процессов социальной активности в реформируемой России является, на наш взгляд, *концепция устойчивого развития общества* как реализация **социоэкологического** (инвайороментального) **подхода**. Данная концепция рассматривает общество с позиций обеспечения в нем процессов стабилизации и устойчивого функционирования и развития, особенно в период кризисных явлений и деформаций социально-экономических отношений [202, 203]. При практическом применении концепции устойчивого развития общества определяется уровень устойчивости развития социальных систем, адаптивность и эластичность социально-воспроизводственных процессов общества, выявляются очаги и факторы неустойчивого, несбалансированного развития, разрушения необходимых связей и обнаруживаются источники возможного устранения причин и последствий такой дестабилизации.

Прогрессивное развитие социальной сферы зависит от ее внутренней сбалансированности и гармоничности, в первую очередь в развитии ее стержневых элементов и связей, а также от социальной активности и проводимой социальной политики. На основе целевой направленности развития общества, диагностики современного состояния в развитии социальных процессов и параметров допустимых значений отклонения от желаемой траектории (социальных нормативов и индикаторов, таких, как пороговые значения уровня экономической активности, безработицы и скрытой занятости, бедности и социального расслоения,

¹ Такая утрата воспринимается ныне в западных обществах как потеря необходимых черт социальности, что выражается, в частности, в отказе от концепции «плавильного котла» в США, развитии в европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства (community), формирование «сетевых структур» в бизнесе, культуре, Интернет-коммуникациях и др.

характеристик социальных настроений в обществе и др.) производится оценка перспектив устойчивости, возможностей развития неустойчивых процессов и роста социальной напряженности, возникновения социальных угроз и кризисных ситуаций. Как показывают результаты исследований З. Голенковой, С. Григорьевы, Т. Заславской, Ю. Леванды, Т. Малевой, Ю. Растова, Р. Рывкиной, В. Тапилиной, В. Ядова и других ученых [47, 70, 106, 156, 159, 161, 182, 188, 198]), трансформационные процессы в социальной сфере российского общества в годы рыночных реформ характеризуются стихийностью, неопределенностью и повышенной социальной напряженностью на всех уровнях (на предприятиях, локальных рынках труда, в регионах и др.). К социально-взрывной неустойчивости социальной сферы приводят отсутствие многочисленного среднего класса, высокий уровень бедности и безработицы, усиливающаяся социальная поляризация.

К ограничениям в использовании данной теории можно отнести пока еще недостаточную разработанность методологического и методического аппарата (начиная с неоднозначной трактовки категорий и содержания самой теории), нормативной базы оценки устойчивого развития общества и др.

В условиях трансформации социальной структуры, социальных институтов и процессов особое значение приобретают исследования в рамках **конфликтологического подхода**, а именно: *теории социальных конфликтов* (Р. Дарендорфа, Л. Козера и др.) и направлений ее современного развития, представленных, в частности, в работах по проблемам социально-политической активности населения на рынке труда таких авторов, как Л. Анисимов, С. Барсукова, В. Герчиков, В. Кривошеев, А. Мишин, В. Нагайцев, Ю. Одегов, Ю. Растов, А. Темницкий и др. [7, 17, 82, 100, 120, 150, 153, 159, 182, 187, 192]. Согласно данной теории активность населения рассматривается с позиций взаимоотношений социальных групп, взаимодействия их различных, часто противоречивых интересов в получении и использовании ограниченных социальных благ. Движение к гармоничному состоянию общества реализуется через согласование интересов, разрешение противоречий, смягчение рискованных ситуаций и достижение компромиссно-приемлемого варианта. Противоречивость же интересов объективно обусловлена, поскольку у участников социально-воспроизводственного процесса возникают новые мотивы, новые интересы, вызванные изменениями в жизненном пространстве. К таким противоречивым интересам на рынке труда относятся социально-экономические и социально-политические, стратегические и тактические

интересы государства, общества и его отдельных групп, различающихся своим положением на рынке труда (работодатели и наемные работники, руководители и рядовые работники предприятий, представители различных предприятий, отраслей и территориальных общностей, бедные и богатые). Усиление противоречивости интересов различных социальных групп вызывает рост социальной напряженности в обществе, является почвой для возникновения конфликтов как в пассивных (например, в виде молчаливого уклонения от трудовых обязанностей работников), так и в активных формах (от голодовок, забастовок, «рельсовой войны» вплоть до криминальных протестных действий).

Конфликтологическая теория расширяет границы познания и прогнозирования процессов трансформации активности на рынке труда и механизмов их формирования, вводит новый ракурс анализа возможностей регулирования этих процессов. Однако использование данной теории ограничено своим «углом зрения» на предмет исследования, рассматриваемые процессы шире и богаче и не сводятся лишь к проблемам выявления и согласования интересов, разрешения конфликтных ситуаций и противоречий.

В последнее десятилетие активно развивается и все более часто используется в управленческой практике **теория социальных рисков** (подробнее см. в работах У. Бека, Б. Ракитского, А. Орлова, О. Яницкого и др. [15, 148, 149, 159, 177, 187]), довольно тесно связанная с конфликтологической теорией и теорией устойчивого развития. Сутью теории рисков является выявление различных социальных рисков, классификация их по характеру и вероятности возникновения, остроте, масштабам распространения и последствиям реализации. Для снижения вероятности возникновения и смягчения последствий рисков на рынке труда (безработицы, нарушений прав в области оплаты и условий труда, социальных гарантий) выявлены различные способы социальной защиты: от предотвращения (методами запрета, нормативного регулирования или иными способами) и сдерживания рисков (методами блокирования, временного ограничения и др.) до их предупреждения (упреждающими мерами смягчения рисков на основе негосударственных защитных действий субъектов гражданского общества с использованием разнообразных мер давления на источники потенциальной опасности: протестов, демонстраций способности к сопротивлению, методов нравственного воздействия, мер самоуправления и т. д.) и компенсирования [149]. Практический эффект применения теории заключается в том, что рассчитываются масштабы и продолжительность, вероятность возникновения того или иного соци-

ального риска, затраты на его профилактику и компенсацию последствий. Применение рассматриваемой теории ограничено самой областью распространения социальных рисков, поскольку лишь ограниченную часть социальных явлений и процессов, характеризующих развитие социальной сферы, в т. ч. рынка труда, можно отнести к таким рискам.

Анализ традиционных и неклассических подходов к исследованию трансформационных процессов общественного развития (создающих основу для применения их при изучении процессов социальной активности на рынке труда) показал, что, несмотря на их обилие, существующие научные традиции в отечественной науке были узко сфокусированы и резко разграничены между собой, что в свою очередь лимитировало возможности развития междисциплинарных исследований. Лишь в последнее десятилетие наблюдается рост такого рода исследований, представляющих успешные варианты взаимной интервенции социальных наук: социологии, экономической теории, психологии и др. (экономико-социологические теории и концепции «трансформационного пространства» Т. И. Заславской, «раздаточной экономики» О. Э. Бессоновой, «институциональных матриц» С. Г. Кирдиной, трансформации экономической свободы М. А. Шабановой и др. [19, 20, 67, 70, 86, 156, 182]), — и позволяющих расширить ракурс анализа процессов и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда.

* * *

Анализ возможностей различных методологических подходов (системно-структурного, социоструктурного, институционального, деятельностно-активистского, социокультурного, конфликтологического, социоэкологического) и развиваемых в их рамках теорий и концепций в исследовании процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда показал, что результативное социологическое исследование трансформационных процессов активности населения на рынке труда не может быть основано на использовании одной универсальной точки зрения, одного методологического подхода. Несмотря на ряд объективных ограничений, несомненные преимущества в анализе объекта исследования имеет ряд теорий социальной трансформации общества (теории социальной мобильности, трансформационного общества, трансформации экономической свободы и др.), институциональной социологии (теория институциональных матриц), концепция устойчивого развития, теории социальных конфликтов и социального риска и др.

Подводя итог вышесказанного и учитывая во многом объективные ограничения существующих методологических подходов в исследовании трансформационных процессов активности населения на рынке труда, пока еще недостаточный междисциплинарный уровень внимания к проблемам ее регулирования, можно констатировать, что по-прежнему актуальными остаются проблемы разработки теоретико-методологических основ комплексного и системного изучения трансформационных процессов активности населения на рынке труда. В настоящее время развитие теоретико-методологической базы таких процессов, по нашему мнению, целесообразно осуществлять на базе развития междисциплинарных и межотраслевых социологических исследований.

1.2. Теоретическое представление о феномене социальной активности населения на рынке труда

Для разработки методологии и методики системного исследования тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда, построения теоретической модели исследования необходимо уточнить понятийный аппарат, используя категории социологии.

Социальная активность как категория социологии. Прежде всего обратимся к анализу категории «Социальная активность» как основополагающей в понимании социальной активности людей на рынке труда. Под **социальной активностью** обычно понимается «совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в данный исторический период» [160, с. 7]¹.

Социальная активность является характеристикой социальной деятельности. Под **социальной деятельностью** понимается «совокупность социально значимых действий, осуществляемых субъектом (общество, класс, группа, личность) в различных сферах и на различных уровнях организации общества, преследующих определенные социальные цели и интересы и использующих во имя достижения этих целей и удовлетворения интересов различные средства: экономические, социальные, политические и идеологические» [160, с. 120–121].

¹ Иногда рассматривается более узкое понимание социальной активности как активности, реализуемой в социальной сфере общества. Однако использование данной трактовки неуместно в нашем случае, поскольку приводит к значительному сужению объекта и предмета исследования.

Понятие социальной активности также тесно связано с понятием социального поведения. В Российской социологической энциклопедии **социальное поведение** определяется Г. В. Осиповым как «*внешнее (фактическое — А. С.) проявление деятельности, в которой выявляются конкретная позиция человека, его установка. Это форма превращения деятельности в реальные действия по отношению к социально значимым объектам. Оно (поведение) представляет собой внешне наблюдаемую систему действий (поступков) людей, в которой реализуется внешнее побуждение человека*» [160, с. 385–386]. При этом под *социальным действием* как простейшей единицей социальной деятельности понимается, по М. Веберу, «действие индивида, сознательно ориентированного на прошедшее, настоящее или будущее поведение других людей» [160, с. 114].

Социальная активность является системной категорией, все элементы активности взаимосвязаны и представляют собой систему действий. Подчеркнем, что в отличие от социального поведения социальная активность, во-первых, имеет *три уровня проявления: социетальный (общество в целом), групповой и индивидуальный* (в то время как социальное поведение реализуется только на уровне индивида и общественной группы). И, во-вторых, социальная активность включает в себя не только ее внешнее проявление в виде реализованной части действий (фактическую компоненту), но и *потенциальную компоненту*.

Для изучения индивидуальной социальной активности необходимо рассматривать четыре составляющие (уровня) социального поведения личности, а именно: 1) поведенческие акты (как «реакцию субъекта на актуальную предметную ситуацию, на специфические и быстро сменяющиеся друг друга воздействия внешней среды»); 2) привычные действия и поступки («как элементы поведения, как его целенаправленные акты»); 3) целенаправленную «последовательность поступков или социальных действий в той или иной сфере жизнедеятельности, где человек преследует более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков»; 4) «уровень реализации жизненных целей», связанный с «процессом реализации жизненно важной для индивида цели — превращения идеального в реальное» [160, с. 386]). В нашем исследовании особое внимание сконцентрировано на третьем и четвертом уровнях поведения людей, имеющих для социологии наибольшее значение. По сути они представляют собой стратегии поведения, в нашем случае — **стратегии активности**.

Кроме того, для обозначения совокупности устойчивых, типичных стратегий активности, внутренне однородных по выбранному критерию

(ям), воспользуемся понятием *модели (типа) активности*. Критериями выделения модели могут быть цели и мотивы, методы и средства, результаты социальной активности.

Особенностью проявления социальной активности является *социальное взаимодействие субъектов активности различных уровней*. В. С. Барулин, анализируя взаимосвязь социальной активности общества и человека, отметил, что воздействие общества на человека может быть рассмотрено и оценено с разных позиций: как средство или условие удовлетворения определенных потребностей человека, как источник информации, сигнал нарастающей опасности и др. [13]. Так, любое политическое решение, принимаемое органами управления, обладает социально-регулятивной силой и является импульсом социальной активности. Оно может нацеливать людей на определенные действия, воодушевлять их, придавать им силы в борьбе за достижение каких-либо целей.

По В. С. Барулину, общество выступает мощным излучателем социальной активности, социальной энергии. Находясь в непрерывном потоке облучений социальной энергией, социальной активностью, человек «ассимилирует эту общественную активность, живет и действует в духе и направлении именно тех социальных импульсов, которыми наделяет его общество». И «благодаря перманентной сопряженности каждого человека с общественной энергией, активностью общества, мощь действия каждого отдельного человека намного превышает его возможности как отдельного индивидуального существа... как бы опирается на мощь всего общества, на накопленную энергию всех предшествующих поколений» [13, с. 72]. Кроме способности человека во взаимодействии с обществом являться объектом воздействия, реагировать на активность общества, ассимилируя ее, В. С. Барулин выделяет также способность человека, как существа активного, быть носителем своей собственной неповторимой социальной энергии и способности.

Общество по отношению к человеку формулирует *социальные нормы* (совокупность регуляторов, требований, предписаний, запретов, обращенных к человеку), определяющие, направляющие, корректирующие, предупреждающие, запрещающие разные стороны человеческой деятельности. Эти нормы (программы по В. С. Барулину) «детерминируют человеческую жизнь не просто с точки зрения активности или пассивности ее проявления, а содержательно», поскольку «в них предписывается не то, как энергично человеку надлежит что-то делать или не делать, а что именно делать и что именно не делать» [13, с. 75].

Социальная активность как социальный феномен имеет сложную **структуру**, множество различных видов и форм ее проявления. В соответствии с устройством общественной жизни, сферами ее проявления исследователи выделяют различные ее компоненты (например, социально-экономическую, социально-политическую, социокультурную и др.) и, соответственно, компоненты социальной активности [129, 133, 242]. Например, *социально-экономической активностью* является социальная активность, проявляющаяся в сфере социально-экономических отношений, т. е. отношений в сферах производства, обмена, распределения и потребления различных социальных благ и услуг.

М. Вебер ввел систему социологических категорий *экономического действия как формы социального действия* [27–29]. При этом под экономическим действием понимается осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей (см. в работах М. Вебера, В. Верховина, В. Радаева [27–29, 36, 146, 147]). Кроме того, по М. Веберу социальное действие (деятельность) включает в себя властные и социокультурные компоненты, характеризующиеся внутренним субъективным смысловым единством.

В исследованиях используются также более дробные выделения компонентов социальной активности, основанием которых является ее реализация в различных сегментах рынка, в т. ч. на рынке труда. Мы рассматриваем активность населения на рынке труда как составляющую (часть) социальной активности в целом и согласны с большинством исследователей в том, что рынок труда является важнейшей сферой реализации последней.

Социальная активность на рынке труда как социальный феномен и объект социологического исследования. Под *социальной активностью на рынке труда* нами понимается совокупность всех действий, целенаправленно осуществляемых его участниками (актерами) непосредственно в системе рынке труда, а также на «входе» в систему и «выходе» из нее. В социальных науках существуют различные точки зрения на понимание рынка труда, выделяются различные аспекты его рассмотрения как «места», где совершается *акт купли-продажи рабочей силы; совокупного спроса и предложения рабочей силы*, которым опосредуется движение относительно рабочих мест и размещение экономически активного населения по сферам хозяйственной деятельности в отраслевом, территориальном и профессионально-квалификационном разрезе; *совокупности товарно-денежных отношений*, возникающих по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства; *важнейшего сегмента рыночной экономики, выполняющего функции механиз-*

ма распределения и перераспределения общественного труда по сферам и отраслям экономики, видам и формам деятельности в соответствии со структурой общественных потребностей и др. (см. в работах Я. Т. Васильева, Н. А. Волгина, С. В. Гришаева, Р. И. Капелюшникова, А. Э. Котляра, М. В. Курбатовой, Л. Г. Миляевой, В. В. Радаева и др. [26, 52, 82, 96, 97, 103, 118, 145, 146, 180]). В нашем случае **рынок труда** рассматривается, во-первых, как *социальная система*, точнее как система общественных отношений по поводу формирования и использования рабочей силы. Во-вторых, рынок труда является *социальной средой или социальным пространством* формирования статуса, положения различных социальных групп, формирования и реализации их интересов, различных видов и форм, моделей и стратегий их активности. При таком понимании рынок труда является составляющей условий жизнедеятельности населения в территориальной общности.

Кроме того, в исследовании рассматривается *совокупный рынок труда* (в отличие от текущего рынка труда). Его главными составляющими являются совокупное предложение, включающее занятых и безработных, и совокупный спрос, характеризующий общую потребность экономики в наемной рабочей силе (замещенные и вакантные рабочие места). Выбор широкой трактовки рынка труда обусловлен задачами комплексного и системного анализа социальной активности, что невозможно осуществить, рассматривая ее в рамках текущего рынка труда.

По содержанию действий, осуществляемых людьми на рынке труда, социологами (а также социальными работниками, конфликтологами, экономистами и политологами) чаще выделяются *две формы социальной активности: социально-экономическая и социально-политическая*¹.

Социально-экономическая активность населения на рынке труда понимается нами как совокупность его целенаправленных действий, связанных с поиском, созданием, сохранением, расширением и использованием мест приложения труда, соответствующих источников получения и распределения доходов, а также противоположных действий и поступков, направленных на сокращение занятости в ее различных видах и формах². Поскольку рынок труда — категория социально-экономиче-

¹ Кроме того, можно говорить также о социально-психологической, физиологической и других формах ее проявления, попадающих в поле внимания не столько социологов, сколько социальных психологов и физиологов. Исходя из задач нашего исследования анализу этих форм не будет уделено большого внимания.

² При определении данной категории использован тот же подход, что и при определении понятия экономического поведения на рынке труда, разработанного совместно с Л. В. Родионовой [278, с. 160–196; 301].

ская, активность в этой сфере социальных отношений проявляется прежде всего в социально-экономической форме³. Логично, что социально-экономическим проявлениям активности на рынке труда в данной работе будет уделено основное внимание.

Основными *компонентами социально-экономической активности* являются: 1) непосредственно трудовая и предпринимательская активность (интенсификация труда, первичная и вторичная занятость, открытие и развитие бизнеса и др.); 2) поисковая активность и трудоустройство (поиск основного места работы или дополнительной занятости в форме обращений в государственную службу занятости или негосударственные центры, биржи занятости, на предприятия, к родственникам и знакомым, поиск работы через СМИ и т. д., смена места работы и др.); 3) активность, напротив, связанная с сокращением занятости и уходом с рынка труда (увольнение с основной и дополнительной работы, сокращение занятости в личном подсобном хозяйстве и др.); 4) квалификационная активность (повышение образования и квалификации (как по месту работы, так и вне его), должностного статуса и др.).

Другой распространенной формой активности населения на рынке труда (но играющей вторичную роль в сравнении с социально-экономической активностью) является **социально-политическая активность**, связанная с деятельностью и взаимодействием акторов по формированию, реализации и защите их интересов и прав на рынке труда. Среди ее основных *компонентов* можно выделить активность: социозащитную (требования своевременности выплаты и повышения уровня заработной платы и социальных льгот, предъявляемые работодателю работниками предприятия и др.), лоббистскую (лоббирование интересов при принятии законов и др.); контролирующую (социально-трудовой контроль над установлением, своевременностью выплат и изменением уровня (повышении/снижении) зарплаты и социальных льгот, выплачиваемых работникам на предприятии); социально-договорную (переговоры объединений наемных работников с работодателем, социальное партнерство и др.); протестную (активные либо пассивные варианты коллективного и индивидуального сопротивления наемных работников действиям работодателя, администрации предприятия, оказания на них давления).

³ Социологи и экономисты чаще говорят об экономической активности. В данной работе значительный акцент сделан на социальных проявлениях экономической формы активности. Поэтому мы будем употреблять термин «социально-экономическая активность».

Выделенные таким образом структурные компоненты социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда могут являться основой выделения соответствующих (социально-экономических и социально-политических) стратегий активности. В качестве трудовых стратегий исследователями рассматриваются, к примеру, интенсификация труда и ее экстенсификация (посредством дополнительной занятости).

Социально-экономическая и социально-политическая формы активности тесно взаимосвязаны и пересекаются между собой. Так, наряду с воздействием других факторов (см. п. 2.1) социально-экономическая активность является социальным механизмом формирования, но одновременно и результатом реализации социально-политической активности, и наоборот. Кроме того, не всегда можно сразу определить характер активности, отделить одну форму от другой. Часто имея социально-экономический характер, активность на рынке труда внешне проявляется в социально-политической форме. В качестве примера можно привести требования своевременности или повышения уровня выплаты заработной платы, предъявляемые работниками предприятия своему работодателю, которые могут выражаться в договорной форме (переговоры, результатом чего является заключение коллективного договора или изменения в его содержании и др.) или в протестной форме (забастовка, митинг, саботаж, пикетирование, голодовка, а также десятки вариантов невидимого давления наемных работников на работодателя: абсентеизм, рестрикционизм и др. [146, с. 173–175]). Примером подобного рода являются также действия работодателей в форме локаутов.

Другим важнейшим основанием выделения структурных компонентов активности населения на рынке труда (кроме содержания действий) является *сфера приложения выполняемых действий*. По данному критерию различается содержание социально-экономической и социально-политической активности людей незанятых (в т. ч. безработных) и занятых в экономике, активности в сфере занятости и вне ее. Под *сферой занятости* понимается система социально-экономических отношений людей по поводу использования рабочей силы, создания, функционирования, расширения либо сокращения рабочих мест.

В сфере занятости различают активность в различных ее отраслях и секторах. Так, наиболее часто исследователями рассматриваются занятые в сферах материального производства и обслуживания; в государственном и муниципальном секторах и различных видах частного

сектора (в т. ч. занятые в бюджетных отраслях, на приватизированных и новых частных предприятиях, самозанятые); в сырьевых и несырьевых отраслях экономики; в сфере общественного производства и в личном подсобном хозяйстве и др. (см. в работах Р. Агабекяна, Я. Васильева, В. Верховина, Л. Гордона, В. Кабапиной, З. Калугиной, Р. Капелюшниковой, С. Кларка, Э. Клопова, В. Кузнецова, С. Кузьмина, Т. Малевой, Л. Миляевой, Г. Соколовой, О. Фадеевой и др. [2, 26, 35, 46, 62, 79–82, 102, 107, 117, 118, 125, 180]).

Сфера занятости является основой формирования и развития социально-трудовых отношений. Под *социально-трудовыми отношениями* мы понимаем отношения, возникающие между субъектами труда (работодателями, наемными работниками, самозанятыми и др.) в процессе их совместной трудовой деятельности и характеризующие их социально-трудовой статус. Социально-трудовые отношения характеризуются составом субъектов труда и их положением в сфере занятости, потребностями экономики в рабочей силе, динамикой занятости населения и безработицы, условиями и оплатой труда, показателями качества трудового потенциала.

Другой близкой, пересекающейся с рынком труда сферой проявления социально-экономической активности, является *сфера доходов населения*. Доходы населения представляют собой поступления в его распоряжение ресурсов в денежной и натуральной формах как за счет социально-экономической активности (трудовой, предпринимательской, в сфере использования собственности и др.), так и без нее (наследование материальных ценностей, отдельные виды социальных трансфертов, помощи). *Сфера доходов* населения характеризует отношения в обществе по поводу формирования (первичного формирования и распределения) и использования создаваемого продукта, возникающие между социальными группами (стратами, домохозяйствами, семьями) и отдельными людьми¹. Поскольку значительная часть видов активности населения на рынке труда и в сфере занятости пересекается со сферой доходов, рассматривать такую активность необходимо в единой системе отношений. К ним от-

¹ Формирование первичных доходов происходит в процессе производственной деятельности людей, в том числе в сфере наемного труда, предпринимательской деятельности, домашнем хозяйстве. Перераспределение доходов осуществляется как в социально-экономической (обмен и распределение), так и в социально-политической сферах общественной жизни. Использование же доходов происходит в сфере материального потребления, образования, здравоохранения, культуры и в других сферах социальной жизни общества. Население использует доходы для удовлетворения личных потребностей, целей развития производства и накопления.

носятся почти все виды формальной занятости и большая часть неформальной занятости¹.

Для анализа социальных явлений и процессов традиционно выделяют *количественные и качественные характеристики (индикаторы и показатели)*, с помощью которых можно описать процесс или явление в целом и их структуру (устройство), их структурные компоненты, выявить тенденции и механизмы изменения процессов.

Под *показателями активности населения на рынке труда* понимаются количественные и качественные характеристики состояния, тенденций и направлений ее формирования и реализации. К основным **количественным характеристикам** относятся: 1) масштаб (объем) и уровень (степень) активности; 2) степень распространенности, популярности (частота осуществления) определенных действий, стратегий, в т. ч. пространственная характеристика распространенности (дисперсность, очаговость); 3) продолжительность (время осуществления) действий, стратегий, период их наибольшей популярности.

Качественными характеристиками активности населения на рынке труда являются:

- во-первых, качественные характеристики ее проявления, воздействующие на ситуацию на рынке труда и социальное положение, статус его актора: адаптация акторов к современным условиям, конструктивность (созидательность), инновационность, рациональность, свобода проявления, рисковость, легальность, латентность, устойчивость и др.;
- во-вторых, качественные характеристики каналов формирования активности (сферы образования и воспитания, сферы доходов и потребления и др.): качество образования, подготовки специалистов, квалификация рабочей силы и т. д.;
- в-третьих, статус и другие качественные характеристики территориальной общности как места реализации активности (типы поселенческих и региональных общностей, например, город-село и их более дробные классификации по размеру и функциям, типы регионов по проблемности развития), благополучие условий жизнедеятельности населения в такой общности;

¹ Между тем далеко не все виды активности, касающиеся формирования и использования доходов, непосредственно связаны с рынком труда и занятостью. К последним не относятся, например, различные виды потребительской и сберегательной активности, а также активности, связанной с приобретением и использованием собственности, финансово-кредитной и налоговой сферами.

- в-четвертых, направления пространственного распространения (рассеивания) активности в целом, в т. ч. определенных действий, стратегий [50, с. 86–88] и другие социологические и экономические теории пространственной организации общества;
- в-пятых, качественные характеристики ее результативности: социальная справедливость как характеристика эффективности, субъективная оценка степени удовлетворенности потребностей людей в активности и ее результатах и др.

Важнейшей интегральной характеристикой активности, отражающей количественные и качественные процессы ее формирования и реализации, направленность ее изменений, является **потенциал активности**. Потенциал социальной активности населения на рынке труда создается в процессе формирования акторов и развития рынка труда как сферы ее реализации. Потенциал характеризует реальные возможности акторов (индивидов, групп и их организаций, общества в целом) для удовлетворения их социальных потребностей, а также ресурсы для достижения более высокого уровня жизнедеятельности, обеспечения социального благополучия населения. Это понятие включает в себя не только существующие в данный момент средства и резервы, но и их предпосылки, те возможности и источники, которые могут проявиться в будущем при создании определенных условий. Таким образом, потенциал активности населения на рынке труда отражает социальные перспективы процессов ее воспроизводства, воспроизводства самого рынка труда и их дальнейшего развития.

Рассмотренные выше количественные и качественные характеристики активности описывают содержание действий и в большинстве своем используются исследователями в качестве критериев классификации видов и форм, моделей и стратегий активности, что далее будет продемонстрировано при описании классификации видов, форм и стратегий. Соответственно можно говорить, к примеру, об инновационной и конструктивной стратегии, рискованных и рациональных видах активности и т. д.

В каждый момент изменения активности могут происходить как в сторону увеличения количественных и качественных аспектов проявления активности, так и в сторону их уменьшения. Под **активизацией** мы будем понимать процесс и результат повышения активности как в количественном (увеличение уровня, распространенности и др.), так и в качественном отношении (расширение набора реализуемых видов и форм, моделей и стратегий, сфер проявления и изменение их качества по харак-

теристикам конструктивности, инновационности, адаптации, свободы проявления и др.). Активизация может быть эффективной или неэффективной с двух позиций: с позиции развития рынка труда или с позиции его участников — социальных субъектов активности.

В качестве **социального субъекта активности**, действующего участника рынка труда или, другими словами, *актора* может выступать не только человек, но и социальная группа, слой, класс, общество в целом. В нашем исследовании мы рассматриваем в первую очередь активность различных социальных групп населения, различающихся статусом занятости, доходами, демографическими, профессионально-квалификационными, территориальными и другими характеристиками. К **акторам рынка труда** относятся не только все категории занятых, но и безработные. В состав акторов входят также домохозяйства, межсемейные сети, предприятия и их объединения. При анализе социально-политической активности населения на рынке труда важную роль играют различные социально-политические организационные объединения индивидов и социальных групп, в т. ч. профсоюзы как объединения лиц наемного труда, союзы и другие объединения предпринимателей и работодателей, молодежные, женские и другие организации.

При рассмотрении социально-экономической активности человека на рынке труда автор опирался на понимании его не столько как «человека экономического» *homo economicus* (человека независимого, эгоистичного, рационального и компетентного) или как «человека социального» (подчиняющегося общественным нормам, альтруистичного, иррационального и непоследовательного, слабо информированного и не способного к калькуляции выгоды), а, по словам В. В. Радаева, как «социологического человека» (*homo sociologicus*), «плавающего» в континууме между двумя указанными полюсами. Другими словами, мы рассматриваем «социологического человека» как целую галерею фигур, описываем ряд типов действия не в какой-то отдельной точке, а на протяжении всего континуума [146, с. 57].

Речь идет о рассмотрении человека как активного **субъекта социального действия, человека действующего** [200]. В одних случаях он ведет себя рационально, независимо или эгоистично, а в других — проявляет альтруизм или следует традиционным нормам. Но главное — человек способен поступать вопреки очевидной рациональности или устоявшимся нормам, «переключаться» с одного режима на другой, переходя от логики экономически ориентированного к логике социально ориентированного действия и обратно. Мы согласны с В. В. Радаевым в том,

что изучение этих переходов является важнейшей задачей социологии [146, с. 13]. Именно такое понимание субъекта социального действия (актора) позволяет отличить сравнительно широкую социологическую трактовку социальной активности человека (в т. ч. активности на рынке труда) как активности «человека социологического» от более узкой экономической трактовки и противопоставления экономистами социальной (активности человека «социального» или «(пере) социализированного») и экономической активности (активности «человека экономического»).

Активность населения на рынке труда является **социальным механизмом формирования социальной структуры и социального положения людей**. Становление рынка, в т. ч. рынка труда, формирует кардинально новые общественные отношения, новые виды и формы, сферы, стратегии активности, приводящие к качественным изменениям социальной структуры, появлению новых социальных групп, которые характеризуются более сложным и поначалу неясно выраженным сочетанием признаков. Например, отечественные исследователи, анализируя трансформирующуюся социальную структуру российского общества в условиях перехода к рынку, используют такие критерии, как разделение труда, отношения собственности, власть, престиж, доход, уровень образования, профессия. В условиях динамично меняющегося общества особое значение имеют также степень адаптированности людей к новым социальным, экономическим и политическим условиям, осознание различными социальными группами своих интересов и прав [1, 32, 33, 65, 67, 68, 70, 93, 182, 188]).

В качестве примера приведем один из вариантов, обрисовывающих контуры социальной структуры, предложенный Н. М. Римашевской и И. А. Дискиным, в котором акцент сделан на значительный набор важнейших характеристик: доходы, власть, собственность, престиж, а также степень адаптированности, мотивированности, уровень и характер социальной активности. Авторы данного варианта выделяют следующие семь социальных групп: 1) «*элитно-олигархические группы*», обладающие собственностью в размерах, сопоставимых с крупнейшими западными корпорациями, и средствами властного влияния на общероссийском уровне; 2) «*региональные и корпоративные элиты*», обладающие значительными по российским масштабам состоянием и влиянием на уровне регионов и секторов экономики; 3) «*российский верхний класс*», обладающий собственностью и доходами, обеспечивающими высокие западные стандарты потребления, а также притязаниями на повышение своего социального статуса и ориентациями на сложившуюся практику и этические

нормы хозяйственных взаимоотношений; 4) «*российский средний класс*», обладающий доходами, обеспечивающими удовлетворение среднероссийских и более высоких стандартов потребления; относительно высокой адаптированностью, значительными социальными притязаниями и мотивацией; социальной активностью и ориентацией на легальные способы ее проявления; 5) «*аутсайдеры*», характеризующиеся низкой адаптацией и социальной активностью, невысокими доходами и ориентацией на легальные способы их получения; 6) «*маргиналы*», характеризующиеся низкой адаптацией, асоциальными и антисоциальными установками в своей социально-экономической деятельности; 7) «*криминалитет*», обладающий высокой социальной активностью и адаптацией и вполне рационально действующий вопреки легальным, сложившимся нормам хозяйственной и социально-экономической деятельности [56; 129, с. 110–111; 198].

Особое значение социальная активность как механизм, воздействующий на социальное положение людей на рынке труда и на социальную структуру в целом, приобретает в условиях трансформации (см. п. 1.3).

Виды, формы и стратегии активности населения на рынке труда. Системно-структурный анализ активности населения на рынке труда предполагает исследование ее *типичных видов, форм и стратегий, изменения их структуры*. Как показано выше, социальная активность людей отличается многообразием проявлений, и, как следствие, на основе множества ее количественных и качественных характеристик можно выделить различные основания классификации форм и видов. Рассмотрим виды и формы активности населения, характерные в первую очередь для ее социально-экономической составляющей и при этом наиболее актуальные для характеристики тенденций ее трансформации.

Во-первых, социальная активность различается *уровнем (степенью) ее проявления*. Вся совокупность акторов рынка труда классифицируется при этом по степени их активности, т. е. производится разделение эмпирической социальной группы на активных, малоактивных (или умеренно активных) и пассивных. А социальное поведение людей условно делится на *активное, умеренно активное и пассивное*. К первому, например, относят такие действия на рынке труда и в трудовой сфере, как открытие и развитие собственного бизнеса, интенсификация труда, поиск основной и дополнительной работы, вторичная занятость, трудовая миграция, повышение образования и квалификации; к пассивному — безработицу, отсутствие действий по улучшению своего социально-экономического положения.

Во-вторых, на основе анализа социальной активности россиян исследователями разработаны различные варианты типологии населения **по степени социальной адаптации к рынку труда** (ее современным условиям, ситуации). В наиболее общем виде социальная адаптация является реакцией на изменения социальной среды, условий жизнедеятельности населения в территориальных общностях. Под *социальной адаптацией к рынку труда* мы понимаем социальный процесс и результат активного приспособления социального субъекта (индивида, группы, социума) к новой ситуации, сложившейся на рынке труда как социальной среды, приводящего к изменению его социального положения. Суть такого приспособления заключается в принятии рыночных норм и ценностей, целевых установок новой социально-экономической, социально-политической и социокультурной среды, формируемой рынком труда, в изменении общественного, группового или индивидуального сознания, деятельности и поведения, а также в освоении новых социально-экономических и социально-политических стратегий, видов и форм, инструментов и технологий активности социальных субъектов и их взаимодействия с рынком труда. Социальная адаптация на рынке труда может выражаться в поисковой активности (поиск основной и дополнительной занятости и др., новых возможностей карьерного роста), попытке актора (не всегда удачной) сменить привычные формы и стратегии трудовой активности на новые и др.

При анализе видов и форм адаптации как социального процесса необходимо использование многоуровневого подхода. Л. В. Корель выделяет *уровни адаптации: первичную и вторичную* [93, 182]. *Первичная адаптация на рынке труда* характерна для тех, кто впервые выступает актором на рынке труда (выпускники школ и вузов, бывшие военнослужащие и др.), *вторичная* — для тех, кто имеет опыт, но изменение ситуации на рынке труда вынуждает их изменить характер активности. Критериями адаптации являются приобретение и освоение нового социального статуса вследствие воздействия рынка труда.

В качестве примера можно привести одну из традиционно использовавшихся в опросах ВЦИОМ типологий по степени социальной адаптированности и характеру реакций на жизненные ситуации, в т. ч. ситуации на рынке труда. Согласно этой типологии все население делится: 1) на *адаптированные и адаптирующиеся слои*. Они активно пытаются улучшить свое положение (ищут более высоко оплачиваемую работу, дополнительный источник доходов, продвигаются по служебной лестнице), для них характерно *активное, созидательное, позитивное поведение*; 2) на *неадап-*

тированные к современным условиям слою, характеризующиеся пассивным поведением. Они «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни»; 3) на неадаптированные слои с активным разрушительным, конфронтационным поведением. Такие «готовы идти на баррикады в прямом смысле слова».

В годы либерализации и начального этапа приватизации адаптационные социально-экономические действия в России проявлялись в следующем. Большинство предпринимали какие-либо действия для улучшения или поддержания материального положения своей семьи, только около 5% респондентов, по данным мониторинга ВЦИОМ 1995 г., ответили, что они не видели в этом необходимости (как правило, лица с высшим материальным положением, представители частного сектора, руководители). Каждый четвертый из числа опрошенных ничего не мог предпринять для улучшения своего материального положения — в основном это люди престарелого возраста, пенсионеры, лица с низким уровнем образования. Для всех остальных респондентов разные способы выживания, адаптации сводились к двум возможным направлениям: во-первых, поиску дополнительной работы и дополнительных источников денежных доходов (26% опрошенных); во-вторых, самообеспечению за счет натуральных источников доходов (48% опрошенных).

В-третьих, социально-экономическая активность различается **по степени инновационности и конструктивности** (созидательности). Так, выделяются *инновационные* (обновление технологий, использование высококвалифицированного труда) и *неинновационные* формы активности (сокращение необходимых затрат на основные и оборотные фонды предприятия, использование главным образом низкоквалифицированного труда). Исследователи рассматривают *конструктивные* и *деструктивные* (разрушительные) *стратегии* как для развития рынка труда, так и для самого актора [67, 70, 77, 81, 156], в т. ч. модели и стратегии социальной адаптации. Причем в последние годы встречаются исследования, совместно учитывающие оба критерия при типологизации социального объекта. В частности, в своей работе «Парадоксы аграрной реформы» З. И. Калугина выделила четыре альтернативные модели адаптации сельскохозяйственного предприятия: 1) *конструктивно инновационную адаптацию*, характерную для предприятия с активной рыночной (хозяйственной и социальной) стратегией; 2) *компенсационную адаптацию* традиционно ведущего хозяйства предприятия; 3) *депривационную адаптацию* с неадекватной (мимикрической) хозяйственной стратегией; 4) *деструктивную адаптацию (дезадаптацию)* предприятия с пассивно-выжидательной хозяйственной стратегией [77].

Инновационные и конструктивные стратегии образуют совокупность эффективных стратегий активности для рынка труда и его акторов. *Эффективными стратегиями для актора рынка труда* являются те стратегии, что приводят к повышению его социально-экономического и социально-политического статуса без социальных последствий для здоровья и ухудшения других показателей качества жизни. К *эффективным стратегиям для развития рынка труда* относятся стратегии акторов, улучшающие его организационно-структурные и институциональные характеристики. Примерами подобных стратегий являются те, что приводят к качественному улучшению соотношения спроса и предложения на рынке труда как одной из его (рынка труда) важнейших структурных характеристик, связанному в первую очередь с повышением уровня эффективной занятости и сокращением безработицы, в т. ч. в хронической форме. Очевидно, что эффективные стратегии для акторов и рынка труда достаточно часто совпадают. Однако если учитывать, что рынок труда «отвечает» за формирование совокупной рабочей силы, а не отдельных индивидов и социальных групп, рассматриваемые стратегии могут существенно различаться.

В-четвертых, по степени свободы проявления (свободы действия) все виды активности делятся на *добровольные и вынужденные* [156, с. 126–141; 182, с. 168–204]. На рынке труда свобода активности проявляется в социально-экономической форме как возможность выбора работодателя и рабочих мест по специальности и с учетом других критериев (здоровье, возраст и др.), беспрепятственного открытия и развития бизнеса, повышения квалификации, территориальная доступность центров государственной службы занятости, информационная доступность к имеющимся вакансиям на рынке труда и т. д. В социально-политической форме свобода активности характеризуется как свобода создания профсоюзов и других организаций наемных работников для защиты своих социально-экономических и социально-политических интересов, а также свобода каждого вступать или не вступать в такие организации, возможность лоббирования своих интересов через различные организации, осуществления социального контроля и др.

В-пятых, можно различать виды активности на рынке труда *в зависимости от целей и способов формирования доходов*. Способы формирования доходов весьма разнообразны, поиск доходов крайне дифференцирован: от «рытья в помойках» как одной из стратегий выживания до крупных международных и финансовых проектов, приносящих колоссальные прибыли. Активность населения в сфере формирования доходов связана в первую очередь с такими действиями, как поиск и расши-

рение источников доходов, сфер их приобретения и получения. На рынке труда и в сфере занятости это выражается в поиске основной и дополнительной работы, интенсификации и экстенсификации труда (увеличение производительности труда, вторичная и третичная занятость, включение в новые сферы занятости, различающиеся содержанием труда), «выбивании» неполученной, «задержанной» заработной платы, открытии и расширении собственного дела, получении социального пособия по безработице и т. д.

Кроме *легальных форм* социально-экономической и социально-политической активности, различающихся способами формирования и использования доходов, можно выделять *латентные, теневые формы активности* (неформальная активность), в т. ч. скрытую занятость, различные *незаконные, криминальные формы* включая экономические преступления (незаконные предпринимательские операции и др.), кражи, грабежи и другие способы приобретения денежных и натуральных доходов как на добровольной, так и на насильственной основе. В частности, социально-экономическая и социально-политическая активность на рынке труда проявляется в законных и незаконных формах получения и защиты доходов. К законным формам относятся уход от незаконного изъятия доходов (рэкета, взяточничества чиновников и др.), законные формы получения льгот в налогообложении, кредитовании и др. Вторые (незаконные) возникают в результате сокрытия доходов от налогообложения и других государственных видов сбора средств в госбюджет и внебюджетные фонды либо задержек с их выплатой, различных других неплатежей в экономике; незаконных задержек заработной платы; нецелевого использования кредитов; присвоения средств, полученных по договорам; вымогательства и получения взяток; незаконных сделок с валютой; незаконных форм обналичивания, легализации капиталов, нажитых преступным путем («отмывание грязных денег»); нарко- и порнобизнеса, проституции; краж и хищений на производстве; приписок и проч. [146, 161,162].

В зависимости от целей и способов формирования доходов исследователи выделяют различные виды и стратегии социально-экономической деятельности и поведения на рынке труда. Например, Н. М. Токарская и И. С. Карпикова делят все виды поведения на *рыночное, псевдорыночное и дорыночное* [194]. При этом рыночное поведение, как известно, характеризуется формулой «Максимум дохода при минимуме трудовых затрат», дорыночное поведение — формулой «Гарантированный доход ценой минимума трудовых затрат» или «Минимум дохода при миниму-

ме трудовых затрат»; и псевдорыночное поведение — формулой «Максимум дохода при максимуме трудовых затрат».

В своей работе «Экономическое поведение» Н. В. Полякова выделяет шесть стратегий трудового поведения: 1) *стратегия иждивенчества*, или ориентация на отказ от труда и на получение помощи; 2) *стратегия минимизации труда* — ориентация на короткий рабочий день, нетяжелый труд и небольшие доходы; 3) *стратегия максимизации труда* — на продолжительный рабочий день, интенсивный труд и на высокие доходы; 4) *стратегия максимизации расходования рабочей силы* — на выполнение тяжелых, вредных и/или опасных видов труда и на высокие доходы; 5) *перспективный тип стратегии* — ориентация на содержательный, развивающий труд, ведущий к высокому профессионализму, на невысокую заработную плату в настоящее время и на высокий доход в будущем; 6) *криминальный тип стратегии* — отказ от труда и ориентация на девиантное поведение [139, с. 57].

Социально-экономическая активность на рынке труда отражает особенности формирования доходов населения и в конечном счете формирует их (доходов) структуру. В частности, активность формирует структуру доходов, направляемых на накопление и потребление, а в последнем случае — структуру расходов на питание, одежду и другие товары повседневного пользования, товары длительного пользования, предметы роскоши, недвижимое имущество и др. Живущая сегодня в неблагоприятных социально-экономических условиях значительная часть россиян вынуждена интенсифицировать свой труд и подрабатывать на нескольких рабочих местах (подробнее — в п. 4.1).

В-шестых, виды активности на рынке труда различаются также **в зависимости от способов удовлетворения материальных потребностей акторов**. Хорошо известны и описаны в научной литературе четыре экономические способа удовлетворения материальных потребностей людей: произвести продукт своими силами, обменять (в денежной или натуральной формах), попросить и отнять [110]. На рынке труда удовлетворить такие потребности в свою очередь можно различными способами: заниматься производством и реализацией какого-либо товара либо «посредничать», «делать карьеру» путем повышения образования и квалификации либо с использованием личных связей, требовать выплаты задержанной заработной платы путем переговоров с работодателем либо протестных акций и т. д. В период реформирования в России наблюдалось расширение возможностей использования всех четырех способов удовлетворения потребностей на основе развития всевозможных соци-

ально-экономических и социально-политических средств реализации активности на рынке труда.

По составу акторов рынка труда и характеру их социального взаимодействия выделяются *индивидуальные, групповые* (в т. ч. коллективные) и *межгрупповые* способы удовлетворения потребностей в активности. При этом необходимыми формами социальной активности являются различного рода *социальные контакты, коммуникации, взаимодействия* между социальными группами, индивидами. Так, в 1990-х гг. сам рынок стал школой общения россиян, создавая условия не только для конкуренции, но и прежде всего для сотрудничества и стимулируя людей к взаимодействию ради взаимной выгоды. Способность же к социальному взаимодействию в условиях рынка зиждется на ранее сформированных привычках, традициях, нормах, которые в свою очередь, способствуют либо препятствуют построению рыночных отношений, инфраструктуры.

Характерным примером формирования и реализации социальных коммуникаций на рынке труда является *иждивенческая социально-экономическая и социально-политическая активность*: например, просьба или требование помощи (работодателю и государству со стороны работника, государству — со стороны предпринимателя). Иждивенческая активность присуща в первую очередь не адаптированным к современным условиям групп низкодходным либо нетрудоспособным слоям. Именно поэтому многие представители низкодходных групп населения продолжали поддерживать в 1990-х гг. реализацию патерналистской модели социальной политики и рассматривали государство и предприятие (место работы) в качестве важнейших источников средств существования.

Потребность в социальной помощи (вспомоществовании) существовала и будет существовать потому, что в обществе возникают ситуации, когда риску подвергаются люди, не участвовавшие и не участвующие, даже в минимально необходимой общественной мере, в социальном резервировании средств для иждивения и в системе солидарной самозащиты (в социальном страховании). Речь, по словам Б. В. Ракитского, идет не о детях или инвалидах трудоспособного возраста, а о некоторой части людей, чье участие в социальном резервировании и страховании было необходимо, но они почему-либо отклонилось от общественной нормы. Общество (власти или благотворители), отмечает ученый, «помогает им из источников, в формировании которых защищаемый не принимал эквивалентного (полноценного) или даже минимально достаточного уча-

ствия....Здесь имеет место иждивение за счет общества без резервирования, т. е. попросту говоря — нахлебничество» [149, с. 25].

На индивидуальном уровне различного рода помощь (коллегам, знакомым, друзьям, соседям) в сфере социально-трудовых отношений, как психологическая, так и материальная (денежная и натуральная — безвозмездные подарки, дары, предоставление определенной суммы денег под условные, очень низкие проценты), может оказываться как людьми, входящими в одну группу (сообщество) по доходам, так и представителями других групп.

Социально-экономическая активность в форме социальных контактов может проявляться также в виде организации совместного бизнеса, предпринимательских акций с целью получения более высокой или не меньшей, чем «в одиночку», прибыли. Этот тип поведения характерен для всех рассматриваемых групп, но в первую очередь — для средне- и высокодоходных. Одним из примеров подобных действий среди низкодоходных может являться совместное попрошайничество, «побирушничество».

Другим примером является организация криминальных акций с целью изъятия, получения доходов незаконным путем. Эти действия как на межличностном, так и на межгрупповом уровне, предпринимают представители самых различных социальных групп вне зависимости от уровня их доходов. Различия наблюдаются главным образом в масштабах проводимых операций.

Опыт периода первоначального накопления капитала в России, как и исторический опыт других развитых стран, показывает, что он сопровождается всплеском преступности. Мы не отрицаем, что бедность чаще сопровождается преступностью, чем богатство и благополучие. Однако российский опыт трансформационного периода показывает, что наряду со значительным ростом числа краж, грабежей и других видов нелегитимных изъятий со стороны низкодоходных групп масштабы криминала среди средне- и высокодоходных групп также очень велики.

В целом, характеризуя различные виды социально-экономической активности россиян в годы рыночных реформ с позиции удовлетворения основных потребностей, многие исследователи говорят о них как о *стратегии выживания* населения.

В-седьмых, по степени риска все виды активности можно разделить на *рисковые* (предпринимательство, инвестиционная активность, сверхнормативная интенсификация труда) и *нерисковые* (интенсификация и экстенсификация труда в разумных пределах). В условиях, когда государство не является полноценным гарантом стабильности, рискованным

оказываются открытие и ведение, казалось бы, надежного в данный момент и в данных политико-правовых условиях предприятия.

Рисковые виды активности характерны как для высокодоходных и среднедоходных, так и для низкодоходных групп населения. При этом интересы и мотивы рискованной деятельности людей могут варьироваться от стремления быстро обогатиться, не прилагая особых усилий, за счет других людей, до стремления выжить, вырваться из нищеты.

Рисковая деятельность реализуется как в *законных*, так и довольно часто в *незаконных, криминальных формах*. Причем в последнем случае она характерна и для низкодоходных групп населения (проституция, распространение наркотиков и др.).

Исчерпать весь спектр проявлений активности населения на рынке труда практически невозможно. Последняя столь многообразна, что представляется бесперспективным пытаться ее полностью описать. Социальную активность людей на рынке труда можно классифицировать также *по демографическим* (по полу, возрасту, уровню образования и др.), *профессионально-квалификационным, территориальным и другим характеристикам их социального положения*. Так, Н. Римашевская и И. Невинная провели анализ социально-экономической активности россиян в 1990-х гг. в территориальном аспекте, выделив три качественно различающиеся зоны: «валютную», «рублевую» и «натуральную» (продуктовую) (Невинная И. *Сколько в России денежных поясов? // Рос. газ.* — 1998. — 7 февр.; Римашевская Н. *Как в России копят деньги и за чем? // Известия.* — 1998. — 18 февр.). «Валютная» зона действует в Москве, Санкт-Петербурге и на их ближайшей территории и характеризуется тем, что оплата за труд рассчитывается (а иногда и производится) в долларах и другой валюте. «Рублевая» зона распространяется на значительную часть России — почти все остальные города, а также райцентры, крупные села. Зона «натурального обмена» характерна для периферийных сельских районов и поселений, части малых аграрных городов. По результатам исследований З. И. Калугиной и О. П. Фадеевой, специфическими стратегиями этой зоны являются натуральный обмен результатами труда, высокая занятость в ЛПХ, миграция в «рублевую» зону [182, с. 426–446, 478–498].

* * *

Таким образом, социальная активность населения на рынке труда рассматривается нами, во-первых, как потенциальная и реальная характеристика социальной деятельности и социального поведения; во-вторых,

как совокупность социальных практик (моделей, стратегий); в-третьих, как социальный механизм формирования социальной структуры и социального положения акторов. Социологическое изучение активности населения на рынке труда концентрируется на двух основных формах ее проявления в зависимости от содержания осуществляемых людьми действий: социально-экономической и социально-политической. Структурными элементами активности являются ее социальные субъекты (акторы), виды и формы, сферы, модели и стратегии.

Основаниями (критериями) классификации видов и форм рассматриваемой активности могут выступать характеристики социального положения людей, их цели и мотивы, методы и средства, результаты реализации такой активности. В работе сделана попытка рассмотрения таких оснований классификации, как уровень активности людей, их адаптации к современной ситуации на рынке труда, степень свободы проявления активности, ее конструктивности и инновационности, риска, эффективность, легальность, латентность, состав акторов и характер их социального взаимодействия, их цели и способы формирования доходов, удовлетворения основных потребностей. В список критериев активности можно включить также рациональность, устойчивость и ряд других. Практически все перечисленные основания классификации могут быть использованы для анализа процессов трансформации активности населения на рынке труда и выявления ее основных тенденций в современной России.

В целом общая характеристика социальной активности на рынке труда как объекта социологического анализа, в т. ч. ее сущности и «устройства», позволяет нам перейти от номинации и конкретного рассмотрения отдельных элементов и свойств данного феномена к решению одной из поставленных задач: анализу процессов трансформации активности на рынке труда как объекта данного исследования.

1.3. Трансформационные процессы социальной активности населения на рынке труда как объект социологического исследования

Одной из основных задач нашего исследования является изучение *трансформационных процессов активности населения на рынке труда*. Рассмотрим, какова сущность трансформационного процесса, какие существуют подходы к пониманию его сути, каковы его наиболее общие характеристики. Далее, поскольку данные процессы рассматрива-

ются по отношению к российскому обществу, выделим специфические для России черты трансформации. На этой основе попытаемся дать общую характеристику трансформационных процессов социальной активности на рынке труда и выделить отдельные методологические положения их анализа.

Общая характеристика трансформации как социального процесса. Любой трансформационный процесс является прежде всего *социальным процессом*, под которым понимается «последовательное изменение состояний и элементов социальной системы и ее подсистем, любого социального объекта» [160, с. 426]. В социальных науках термин «Трансформация» используется с середины XX столетия для обозначения *радикальных структурных перемен в обществе, перехода к качественно новому состоянию общества, его социальной структуры, социальных институтов и организаций* (в отличие от эволюционных процессов, вызванных общественными потребностями и проявляющихся в количественных изменениях состояния общества, не приводящих к изменению его качественных характеристик). Но в последнее десятилетие данное понятие часто употребляется для обозначения процессов кардинального изменения социального, экономического, политического, культурного облика бывших социалистических стран с конца 1980-х — начала 1990-х гг. [19, 53, 56, 60, 67, 70, 88, 105, 115, 122, 127, 135, 156, 159, 161, 296, 186, 197, 198].

По мнению З. Т. Голенковой, этим термином, как и термином «Модернизация», стремятся как бы подчеркнуть «неидеологизированный характер», описательность и объективность данных категорий. Но в последнее время они становятся все более идеологизированными. Одни считают, что трансформация — это позитивный процесс, который следует всячески поддерживать, чтобы вчерашние «страны социализма» возвратились в число «нормальных», «модерных», эффективно развивающихся гражданских обществ. Другие же рассматривают ее как процесс негативный, разрушительный, навязанный извне (со стороны Запада), приведший к краху и катастрофе экономики, общественных и духовных основ этих обществ [198].

Анализ научной литературы, прежде всего работ Э. Беляева, З. Голенковой, А. Данилова, Т. Заславской, С. Кирдиной, М. Кодина, Д. Мартэна, Т. Пиирайнен, В. Ядова [19, 53, 56, 67, 70, 86, 88, 115, 127, 135, 156, 159, 161, 186, 197, 198, 337] позволяет нам выделить следующие **общие черты трансформационных процессов**, схожие для всех стран, претерпевающих такого рода социальные изменения.

1. *Масштабность, глубина и системность изменений.* Трансформационные процессы всеобъемлющи и системны, поскольку, по выражению В. А. Ядова, «охватывают решительно все стороны жизни — экономику, политику, систему ценностей, все социальные институты и повседневность бытия граждан» [159, с. 9].

2. *Внезапность и необратимость.* В. А. Ядов отмечает, что трансформации XIX–XX вв. отличались тем, что наступали неожиданно для подавляющей массы населения [159, с. 9]. По словам А. Н. Данилова, «трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения» [53, с. 10]. В результате именно как системный процесс трансформация приводит к *невозможности возврата старой системы*, обеспечивает гарантию ее реставрации. Причем речь идет не только о возвращении к прежней идеологии, но и в случае России, по мнению А. Н. Данилова, о воссоздании мощного государства, способного существенно влиять на геополитические процессы в их экономических, военных, научно-технических и прочих проекциях, о возврате к прежним масштабам, по О. Э. Бессоновой, распределительной, «раздаточной» экономики [20, 182], кардинальном уходе от сформированных на рынке правил игры.

3. *Неравномерность, стадийность развития.* Трансформационный процесс обычно проходит такие стадии, как: а) социальная диагностика существующего состояния общества, содержания и масштабов его кризиса, его корней в прошлом; б) оценка возможностей и путей выхода из кризисной ситуации; в) демонтаж отжившей системы, ликвидация ее очевидных несоответствий достигнутому уровню и тенденциям общественного развития; г) новое самоопределение общества, выдвижение и обоснование путей дальнейшего развития. Трансформационный процесс состоит из ряда последовательных трансформационных состояний, каждое из которых представляет собой реально достигнутые перемены в конкретный период [53, с. 10].

4. *Рост противоречий интересов различных социальных групп и слоев* (работодателей и наемных работников, работников различных отраслей, жителей регионов-доноров и регионов-реципиентов, горожан и селян и др.), что приводит к индивидуализации в сознании и социальном поведении людей [186, 221, 306], *социальной напряженности и конфликтности* [150, 159, 186].

5. *Высокая социальная мобильность и массовая маргинализация населения.* Вследствие структурных изменений в экономике и социаль-

ной сфере в период трансформации кардинально меняется социальная структура общества, наблюдается рост социального расслоения, закономерной чертой является маргинализация части населения. По словам В. А. Ядова, трансформационные процессы приводят к «резким изменениям общественного положения различных слоев населения, обращают их прежний опыт в бесполезный груз, препятствуют адаптации к переменам» [159, с. 9].

Из-за столь мощного воздействия трансформационных процессов на социальную сферу общества исследователи правомерно стали выделять понятие **социальной трансформации** как механизма кардинального изменения социальной структуры общества (масштабных изменений социального положения и перемещений людей), существенных институциональных перемен общественного устройства. Так, Л. П. Храпылина под социальной трансформацией понимает «изменение социальной сферы общества вследствие внешних и/или внутренних воздействий» как результата эволюционных или революционных процессов [177, с. 57]. Социальная трансформация происходит путем формирования новых и изменения состава и качества прежних социальных групп и слоев, отличных друг от друга по отношению к власти и формам собственности, положению в профессиональном занятии, отраслевой занятости социально-профессиональным группам (кто кем стал); принадлежности занятия к определенному сектору экономики (государственному, негосударственному), доходам (уровень и поляризация по доходам и их источникам), ценностным ориентирам и др.

б. Значительные, часто «непредвиденные», социальные последствия. К ним, например, относятся голод вследствие формирования рынка, крайних форм обнищания, рост дезорганизации, криминализация и теневизация общества.

В своей работе «Великая трансформация...» К Поланьи отмечает, что создание рынка труда разрушило традиционные институты дорыночного общества (различных его типов социальной организации), где действовала гарантированная свобода от нужды и люди были в основном защищены от голода, и заставило людей зарабатывать на жизнь продажей рабочей силы прежде всего перед угрозой остаться голодными [137, с. 183–198]. К. Поланьи подчеркивает, что по-прежнему время от времени практикуется «безжалостное расщепление социальных структур, чтобы получить в процессе их распада необходимый... элемент — человеческий труд». Так, «по общему признанию, существовал некий обычный уровень, некая норма, ниже которой заработная плата работника

упасть не может; при этом, однако, считалось, что работника поставят перед выбором: либо умереть с голоду, либо продавать свой труд на рынке за ту цену, которую за него дадут» [137, с. 184].

7. *Отсутствие единой технологии трансформационных перемен в различных социальных системах.* Большинство ученых согласны с тем, что трансформационный период в общественном развитии является особой исторической подсистемой, в которой обнаруживается своя структура, свое устройство, свои тенденции развития и методы регулирования. Сложность развития трансформационного процесса состоит в том, что единой технологии трансформационных перемен нет, и оптимальную политику преобразований каждой стране приходится вырабатывать самостоятельно. По выражению В. Ядова, «каждая страна, каждое общество включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем» [186, с. 17]. Неслучайно именно поэтому в последнее время наблюдается усиление внимания к выработке конвергентных решений, сочетающих преимущества всех существующих ныне подходов [53, с. 12]. Это связано также и с тем, что общей чертой всех трансформационных процессов является то, что они осуществляются *в условиях глобализации*, которая, с одной стороны, открывает широкие возможности для приобщения к новейшим достижениям научно-технического, институционального, культурного достижения мировой цивилизации, но с другой — усиливает социально-экономическое расслоение между странами и приводит к разрастанию во многих из них ареалов бедности [197].

Однако в любом случае необходимо учитывать национальные особенности трансформации. Они включают, по мнению Н. Симония, специфику экономической структуры, национальные традиции, психологические привычки и другие факторы самобытности [197]. Т. И. Заславская считает, что ключевыми при оценке особенностей трансформации социального пространства общества являются социальная структура, социальные институты и человеческий потенциал [67, 70, 156].

Особенности трансформации российского общества. В 2000-х гг. наблюдалась активизация внимания исследователей к проблемам социально-экономической и социокультурной российской трансформации, выявления ее особенностей и перспектив, оценки современного этапа. С этой целью в России и за рубежом регулярно организовывались «круглые столы» и конференции, в т. ч. на Всероссийских социологических конгрессах, на конференциях Европейской социологической ассоциации, конгрессах Международной социологической Ассоциа-

ции (к примеру, в 2010 г. на 17 Международном социологическом конференции Международной социологической ассоциации в Гетеборге работала секция по трансформационным процессам в посткоммунистических странах).

Процессы, происходящие в российском обществе в годы рыночных реформ, и соответствующий временной период называют по-разному: революцией, социальной катастрофой, модернизацией, трансформацией и др. Наиболее распространенными являются два варианта: модернизация и трансформация. Т. И. Заславская выделила три точки зрения исследователей на то, что произошло с Россией, какие процессы она переживает: 1) социальная революция¹; 2) антидемократический и антисоциальный переворот, начатый еще во времена Сталина; 3) **кризисная трансформация**, представляющая собой, по словам Т. И. Заславской, долгую череду неподготовленных, противоречивых, судорожных реформ. Последнюю точку зрения разделяют большинство российских исследователей: С. Кирдина, Ю. Левада, В. Федотова, М. Шабанова, В. Ядов и др.). В частности, В. Ядов отмечает, что особенностью российского общества является то, что оно находится в *«высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса»* (по И. Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессивной экономикой и устойчивой социально-политической системой» [186, с. 17]. Категории же модернизации и переходного периода (переходного общества) явно не выражают существа происходящих в России изменений, поскольку «исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен» [186, с. 17]. Наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки», — понятие трансформации.

Экономисты называют российскую модель развития общества в годы рыночных реформ *«криминальным капитализмом»* или *«олигархически-бюрократическим строем»*. Эта модель, по мнению К. Миккульско-го, не является переходной к модели социально ориентированной ры-

¹ В частности, В. Мао выдвинул ряд аргументов в пользу этой точки зрения: системные, глубокие и радикальные изменения в обществе, слабость политической власти, неспособность элиты консолидировать общество, преобладание стихийных процессов. Однако, по мнению Т. И. Заславской и других противников такой оценки происходящих в России процессов, в 1990-х гг. Россия находилась на социальном переломе, но массовые социальные силы как субъекты социальных революций не получили должного развития, демократические силы оказались незрелыми и несплоченными. И, кроме того, факт революции должен был быть осознан обществом, чего не произошло.

ночной экономики (или социализируемого капитализма), необходимой для России, а представляет собой тупиковый вариант [197].

Исследователи отмечают неравномерный характер трансформации российского общества и выделяют три этапа ее проявления: от I этапа проведения радикальных реформ (имеющих лишь номинально либерально-демократический характер, но по сути характеризующихся перераспределением собственности «в верхах», формированием новых социальных практик взамен традиционных способов поведения по принципу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» на фоне усиления борьбы интересов разных групп) до III этапа (с 1999 г. до середины 2000-х гг.), когда процессы распределения и перераспределения богатства в основном завершились и экономическая и политическая элита ощутила необходимость реального либерального порядка. Несмотря на декларацию стабильности в развитии общества (устаи политиков), социологи и экономисты часто характеризовали третий период как временную, неустойчивую стабильность, квазистабиллизационное состояние [161, 186]. Значительно различаются точки зрения ученых относительно оценки современного периода со второй половины 2000-х гг. в контексте трансформационных процессов: есть многочисленные мнения о завершении трансформационного периода, существуют и точки зрения о его продолжении в новой фазе модернизационного развития на основе политики стимулирования инноваций; есть и более пессимистические взгляды на трансформационные процессы, идущие вспять демократическим преобразованиям.

Отмечая характерные черты российских трансформаций, исследователи подчеркивают, что «российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской» [186, с. 17], является институционально иным типом общества (по С. Г. Кирдиной, обществом X-матрицы, образованной институтами редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммунитарной идеологии в отличие от обществ Y-матрицы с институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии) [86]. Своеобразие российских трансформаций (и в историческом прошлом, и в предстоящем будущем) заключается в следующих моментах.

Во-первых, в особенностях трансформации социальных и экономических институтов. В результате реформ произошли явные институциональные сдвиги, изменения институциональной структуры связаны с формированием либерально-демократических черт. Однако новая институциональная система страдает неполнотой и противоречиями,

устанавливаются новые правила игры, в основе которых часто лежит не закон, а власть денег и физическая сила, в результате чего невиданных масштабов достигла ненаказуемая преступность [67]. Это связано с тем, что в России в отличие от Европы и Северо-Американского континента (США, Канада), по утверждению В. Ядова, *«не сформировалось гражданское общество и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях»*, государственные институты довлеют над гражданскими [186, с. 18]. Это подтверждает «мобилизационный характер всех российских модернизаций начиная реформами Петра I и заканчивая перестройкой, тогда как западноевропейские преобразования стимулировались из недр самого общества» [186, с. 18].

Устойчивость в развитии западных обществ обеспечивается гражданскими структурами, т. е. доминированием горизонтальных социальных взаимосвязей (по принципу «волчка»). Конфигурация же российского общества — пирамидальная, основанная на вертикальных взаимосвязях «Властные структуры — население». Именно властные структуры (государство, экономические и политические элиты и даже криминальные авторитеты) обеспечивают стабильность системы либо дестабилизируют общество. И, что касается перспектив, то, по словам В. Ядова, «Пирамидальность российской общественной системы — историко-культурное наследие, инерционное влияние которого, весьма вероятно, сохранится и в будущем» [186, с. 18].

Трансформации в российском обществе есть результат активности социальных субъектов, акторов исторической драмы, но этими субъектами выступили не «третье сословие», как это было во Франции, не «пионеры», осваивающие Северо-американский континент, но фигуры императора, вождя, руководящей партии (точнее ее правящей верхушки), президента и его окружения и, как мы наблюдали в 1990-х гг., теневых олигархов и авторитетов. В частности, в отличие от Запада федерализм в России имеет значительную специфику: несмотря на процессы регионализации и муниципализации, высока зависимость от центра, причем в первой половине 2000-х в государственном устройстве проявились тенденции унитаризма, что, как отмечалось, соответствует российскому обществу как обществу X-матрицы с институтами унитарного политического устройства [86].

Экономисты связывают трансформацию российского общества с трансформацией институтов экономики. Так, Ю. Овсиенко и Н. Пётраков отмечают, что трансформационный сдвиг в российском обществе связан с тем, что сформировалась национальная экономика «смешанного

типа» с опытом государственного регулирования переходной экономики [127, с. 62]. Оценивая трансформационные процессы 1990-х — начала 2000-х гг., они делают вывод об ошибочности политических форм реализации либерализации и приватизации, а следовательно, о неэффективности реформ и ее значительных негативных социальных последствиях. Во-первых, наблюдалась «деградация экономики и деформация ее структуры», и, во-вторых, «институциональная система, созданная в процессе трансформации, оказалась менее эффективной, чем дореформенная», а социально ориентированная рыночная экономика так и не была создана, поскольку необходимым ее свойством является наличие реальной конкурентной среды и стремление цен к равновесию. Именно поэтому властные структуры ищут выход в возврате к однопартийной системе, централизованному управлению экономикой, ставя целью достижение дореформенного уровня ВВП (разрекламированное его удвоение) [127, с. 71–72]. В результате процесса трансформации, начатого в России в 1991 г., на пути перехода к социально ориентированной рыночной экономике появился непреодолимый барьер, связанный с односторонним развитием страны, отсутствием внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции вследствие, во-первых, присвоения природной ренты руководством предприятий добывающей промышленности, что делает ее сверхдоходной по сравнению с перерабатывающей, и, во-вторых, создания фирм-монополистов в перерабатывающих отраслях, взвинчивающих цены на свою продукцию» [127, с. 71–72]. И, говоря об особенностях настоящего момента, экономисты подчеркивают, что «Двери для дальнейшей монополизации, взвинчивания цен, частного присвоения природной ренты в условиях общественной собственности на недра по-прежнему широко открыты» [127, с. 72].

Во-вторых, особенностью российских процессов трансформации в 1990-х гг. является крайняя дезинтеграция, ярко выраженный раскол российского общества, произошедшие в результате трансформации социальной структуры и человеческого потенциала. По убедительной аргументации А. Ахизера и В. Ядова, наше общество со времен первого рывка в сторону Запада остается «расколотым обществом», что проявляется в глубоких, подчас катастрофических различиях в образе жизни в крупных городах и повседневных практиках «глубинки», мощном слое российского крестьянства, в анклавизации, гибридизации, т. е. «развитии «форпостов» социального прогресса западно-европейского типа в мегаполисах и примыкающих к ним регионах при сохранении обширных относительно «застойных» регионов [186, с. 19].

Анализ результатов трансформации социальной структуры российского общества, проведенный Т. И. Заславской, показал крайнюю разнородность общественных сил, определяющих основные векторы изменения социальных институтов [197]. По оценкам Т. И. Заславской, социальная структура российского общества в начале 2000-х гг. представляет следующую картину: 5–7% семей владеют примерно половиной всего общественного богатства, в то же время 25–30% бедняков (среди них — квалифицированные люди, имеющие 1–2 детей) отчуждены не только от собственности, но и от результатов собственного труда. Тем не менее с начала периода общественных преобразований адаптация выросла с 6 до 80%, сократилась с 60 до 40% доля тех, кому «плохо» в нынешних условиях, но при этом адаптация носит вынужденный, а не добровольный характер. Примерно 20 млн россиян (не считая «социального дна») не смогли приспособиться к современным условиям [67, 70]. С начала 2000-х гг. Россия занимает лидирующе позиции по разрыву между богатыми и бедными, велик разрыв между крупными городами и селом, особенно между Москвой и провинцией, и наблюдаемый рост дифференциации в социальном положении не только не приостанавливается, а, напротив, усиливается. В 1990-х гг. процессам дифференциации активно сопутствовали процессы дезорганизации, криминализации и теневизации [161, 162]. Несмотря на сложившиеся в годы экономического роста тенденции сокращения социальных конфликтов, рост социального расслоения уже не вызывает нарастания социального напряжения в российском обществе в силу заметного увеличения реальных доходов россиян и сокращения бедности.

Экономисты также отмечают значительное снижение уровня жизни большинства россиян и рост социально-экономических различий как следствие произошедших общественных перемен. Так, по мнению Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «произошло величайшее в истории перераспределение доходов»: либерализация, институциональные изменения, произошедшие в России, привели к двум основным последствиям»: во-первых, к снижению жизненного уровня населения, его обнищанию в результате неполной индексации доходов вследствие инфляции; во-вторых, к росту доходов российской номенклатуры, обогащению кучки власть имущих за счет присвоения ими нетрудовых доходов (рентных и монопольных видов дохода) [127, с. 60, 68–71]. По оценкам экономистов, более трети объема ВВП, направлявшейся в социалистическом СССР на трудовые доходы, переключалось в карманы власть имущих. При этом столь быстрое перераспределение в течение короткого периода не вы-

звано какими-либо объективными причинами, поскольку за это время не произошло сколько-нибудь существенных технологических или структурных сдвигов, резко снижающих эффективность трудовой деятельности рядовых работников и повышающих ее у руководства.

Что касается оценки изменений человеческого капитала, то ученые отнесли ее к наименее дееспособной части общего трансформационного процесса: за годы общественных преобразований до середины 2000-х гг. рождаемость упала почти в 2 раза, продолжительность жизни была на 12–15 лет ниже показателей развитых стран. Наблюдалась резкая поляризация в сфере образования, нижний уровень образования упал уже с 11 до 9 лет, появились дети, которые не учатся, а только работают [67, 70]. Слом негативных тенденций, формирование позитивных изменений человеческого капитала в явном виде проявились с введением реформы в образовательном процессе с 2002 г. национальных проектов и соответствующих долгосрочных программ в области образования и здравоохранения, введением института материнского капитала [126, 178, 179].

В-третьих, трансформация интересов и ценностей россиян в сторону индивидуализации происходила на фоне сопротивления ей и в значительной степени *сохранения ценностей патернализма и коллективизма*. Согласно теории институциональных матриц С. Кирдиной, в период трансформаций в российской экономике должны вырасти так называемые комплементарные составляющие, характерные для обществ Y-матрицы, что выразится в ограниченной индивидуализации интересов и поведения людей на фоне сохранения коммунитарной идеологии как преобладающей [86]. В. Ядов, Ю. Левада и другие исследователи отмечают, что, согласно опросам общественного мнения, в российском обществе по-прежнему велико сопротивление расколу общества на богатых и бедных, но наблюдается принятие ценностей предпринимательства [106, 159, 186, 224]. Однако особенностью российской трансформации является особый вклад в нашу историю советского периода, инерционное влияние которого заключается в патернализме людей, силе коллективизма и неприятии выраженного индивидуализма, приоритетной ценности социальной справедливости [186, с. 19–20].

В связи с указанными особенностями изменения интересов и ценностей россиян, их колебаниями вокруг индивидуализма и коллективизма В. Ядов назвал *модель российской трансформации «маятниковой»* [186, с. 23]. Так, по его мнению, уже к середине первого десятилетия XXI в. был возможен новый сдвиг в направлении «включения в мировую цивилизацию», оживление «прозападных» настроений, поскольку к этому време-

ни ценности, разделяемые нынешней молодежью (опора на собственные силы, конкурентоспособность, инновативность, демократизм), будут доминировать в массовом сознании.

В целом оценивая перспективы российской трансформации, многие исследователи (Т. Заславская, С. Кирдина, О. Лацис, Ю. Левада, В. Ядов и др.) отмечают, что трансформация завершается, Россия вступила в завершение переходного периода от индустриального к постиндустриальному обществу. Однако перспективы российской трансформации, по мнению В. Г. Федотовой, должны быть связаны с *уходом от кризисной ее формы к позитивной, с переходом от догоняющей модели модернизации к новой модели — «множественной модернизации»* [206]. В частности, в качестве перспективы развития экономики Е. Ясиным рассматривается всесторонняя ее модернизация, т. е. структурная *перестройка* экономики, коренное обновление производственного потенциала и повсеместное внедрение новейших технологий [197]. Курс на модернизацию проявился с середины 2000-х гг. не только в стратегических и программных документах страны и регионов, но и в повседневных практиках россиян [75, 78].

Трансформационные процессы социальной активности на рынке труда: суть и методологические положения анализа. Проблемы активности населения на рынке труда приобретают особую актуальность в трансформирующихся обществах. Сама по себе социальная активность (в социально допустимых видах и формах) необходима для эффективного развития экономики и обеспечения социального прогресса. Но бесспорно также и то, что положительные результаты социальной активности отдельных групп и индивидов не приводят автоматически к улучшению благосостояния других, а иногда ставят значительную часть населения на грань бедности, нищеты, политической и социальной бесперспективности [198].

В изменяющихся обществах процессам трансформации закономерно подвергается социальная активность людей, в т. ч. активность на рынке труда. Под *трансформационными процессами активности населения на рынке труда* понимаются социальные процессы трансформации сфер, форм и видов, моделей и стратегий такой активности, результатов их реализации различными социальными группами (актерами), а также факторов и механизмов ее формирования и регулирования. Следовательно, *в качестве критериев трансформации* рассматриваемой активности выделены кардинальные *изменения ее структурных компонентов* (структуры акторов рынка труда, а также сфер, видов и форм, моделей

и стратегий активности), состава и характера воздействия факторов, их определяющих.

Трансформацию активности населения на рынке труда можно определить как *системную*, включающую в себя значительные изменения всех проявлений ее структурных компонентов, факторов и механизмов. При этом сама активность людей на рынке труда является элементом системной трансформации общества, в которую вовлечено множество компонентов (по словам А. Н. Данилова, «от машинного парка до состояния духа и общественной психологии» [53, с. 19]).

Значительная часть членов общества быстро, добровольно или вынужденно меняет свои социальные роли на рынке труда, исчезают, возникают или меняют свой статус профессиональные и другие социальные группы, причем вследствие этих процессов часть индивидов (маргиналы) перестает идентифицировать себя с определенными социальными группами и общностями. Как показано в п. 1.2, социальная мобильность на рынке труда, связанная с формированием новых акторов, изменением социальных позиций прежних, зависит от большого числа количественных и качественных характеристик их положения (статуса занятости, уровня образования и квалификации, личностных качеств индивида и др.) и активности.

Акцентируя внимание на **деятельностно-активистском и социо-структурном подходах к анализу трансформации активности**, мы исходим из того, что проведенные преобразования в обществе по-разному сказались на уровне и характере проявления активности разных социальных групп, прежде всего потому, что *каждая социальная группа, занимая определенные позиции в социальной структуре общества, обладает определенным, ограниченным потенциалом социальной активности*. Так, в периоды общественных преобразований разные группы имеют неодинаковые возможности проявления социально-экономической и социально-политической активности, в т. ч. возможности повлиять на формирование и реализацию новых социальных прав и отношений на рынке труда. Из множества стратегий, сфер, видов и форм активности, определяющих характер социальных отношений на рынке труда, *разные группы акторов имеют возможность использовать прежде всего те, к которым они имеют доступ, учитывая занимаемые ими социальные позиции*. Сравнительно высокий статус позволяет его владельцам беспрепятственно реализовывать новые выгодные стратегии (виды, формы) активности, остальные же не могут воспользоваться ими как по причине отсутствия возможностей (достаточных денежных накоплений, де-

ловых связей, возможности получить кредит, информации, знаний, образования, опыта и др.), так и вследствие противодействия со стороны более сильных общественных групп.

В период кардинальных общественных перемен появляются новые возможности для вертикальной социальной мобильности, распределения новых возможностей (прав и свобод) в реализации социальной активности. Однако для того, чтобы реализовать выгодные стратегии, воспользоваться одним и теми же возможностями, имеющимся потенциалом (например, в создании бизнеса, повышении квалификации и должностного статуса), индивиды и группы, занимающие более низкие социальные позиции, вынуждены затрачивать больше усилий, преодолевать больше ограничений и барьеров, чем лица с более высоким социальным статусом. Таким образом, новые общественные условия, в т. ч. условия рынка труда, не только создают разную доступность для разных социальных групп, но и имеют неодинаковый «социоструктурный эффект» как соотношение необходимых затрат и получаемых результатов в изменении социального статуса.

Объективные различия в позициях социальных групп усиливаются различиями субъективными: разные люди обладают различными способностями, потенциалом активности; они неодинаково подвержены ошибкам в выборе и реализации стратегий и способны оценить результаты их реализации из-за различного доступа к информации, разного уровня образования и квалификации и др. Субъективные различия характеризуют прежде всего индивидуальные особенности социальных субъектов, а не групповые, тем не менее в условиях меняющегося общества они способны ощутимо «размывать» и дифференцировать (в т. ч. через выбираемые модели поведения) прежние социальные группы.

Обе тенденции воспроизводят дистанции между разными социальными группами по выделенным объективным и субъективным признакам, так что доля лиц с высоким уровнем активности будет выше в одних группах и ниже — в других.

Наконец, особо подчеркнем положение о том, что разные акторы в каждый момент «рисуют» свой образ идеальной деятельности, имеют свои жизненно важные цели и ценности, свои представления о допустимых способах их достижения и благоприятных условиях для этого. И действующую в определенный момент институциональную среду, создаваемую социальной и экономической политикой (административно-командную или рыночную демократическую), индивиды оценивают прежде всего как средство реализации своей активности. Одна и та же

институциональная среда одними группами, индивидами оценивается как возможность развития активности, а другими — как ее ограничитель. По-разному отвечая потребностям и ценностям различных акторов, такая среда имеет неодинаковые шансы на интернализацию с их стороны.

* * *

Теоретический анализ трансформации как социологической категории позволил выделить множество ракурсов ее рассмотрения: как социального процесса, как механизма изменения социальной структуры и социальных институтов общественного развития и результата сложившихся ранее социальных отношений, их динамики и как объективного феномена современного этапа системных изменений в развитии многих государств, в т. ч. бывших социалистических стран.

Общими чертами трансформационных процессов учеными признаются внезапность, масштабность, глубина и системность изменений, необратимость, неравномерность и стадийность развития, рост противоречий интересов различных социальных групп, социальной напряженности и конфликтогенности, высокая социальная мобильность и массовая маргинализация населения, значительные непредвиденные социальные последствия; своеобразие, отсутствие единой технологии трансформационных перемен в различных социальных системах, современный глобализационный характер трансформации. К российским особенностям трансформации относятся: высокоактивный и нестабильный, хаотичный характер социальных преобразований; неполнота и противоречивость изменений институциональной структуры, связанные с несформированностью гражданского общества, сохранением решающей роли государства; крайняя социальная дезинтеграция и раскол российского общества; сопротивление индивидуализации, сохранение ценностей патернализма и коллективизма.

В социальных науках пока не выработано единого представления об общих тенденциях и закономерностях трансформационных процессов общества, не систематизированы критерии и характеристики выделения национальных (страновых) особенностей трансформации. В частности, мы обнаружили отдельные характеристики, отражающие использование элементов социально-структурного и институционального подходов, теории человеческого капитала, пространственно-временного аспекта анализа. Наиболее системное и полное представление о трансформации российского общества представлено главным образом в теории трансформационного пространства Т. И. Заславской [67, 70, 156].

Кардинальные общественные изменения, нарастание их динамики и дифференцированного проявления требуют дальнейшего, более глубокого изучения категории трансформации, ее общих закономерностей, механизмов и частных проявлений. Неслучайно уже в середине 2000-х гг. прошли дискуссии и конференции с названием «трансформация понятия „трансформация“».

На основе представлений о сущности, общих чертах общественного трансформационного процесса и его российских особенностях в годы реформ, а также на основе разработанных нами методологических положений анализа объекта исследования в дальнейшем предполагается выявить специфические черты современного этапа трансформации активности россиян на рынке труда.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформационные процессы в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. обнажили и усилили негативную динамику острых социальных проблем (таких как бедность и социальное расслоение, безработица и массовые нарушения прав человека в социально-трудовой сфере), свидетельствующих о глубинных деформациях в социальной структуре и социальной сфере. Одним из эффективных социальных механизмов решения этих проблем является социальная активность населения на рынке труда, связанная с основной и дополнительной занятостью работников предприятий, предпринимательством, ростом квалификации, поиском мест приложения труда и др. Такая активность создает социально-экономическую и социально-политическую основу для сокращения масштабов бедности и безработицы, уменьшения неоправданных социальных различий, а значит, в целом для обеспечения достойного уровня и качества жизни, формирования более справедливого в социальном отношении общества.

Глубокие преобразования социально-экономических и социально-политических отношений в российском обществе, развитие рыночных отношений, реформирование социальной и экономической структур общества, социальных институтов в 1990–2000-х гг. привели к трансформации активности людей на рынке труда, связанной с качественным изменением ее видов и форм, стратегий и сфер проявления, ростом ее дифференциации. Обращают на себя внимание сложившиеся в этот период низкая активность отдельных социальных групп, значительные масштабы деструктивных стратегий и теневых форм активности населения в целом.

Исследование процессов социальной активности на рынке труда приобретает особую актуальность по отношению к территориальным группам, проживающим в неблагополучных условиях жизнедеятельности, в проблемных поселенческих и региональных общностях. Острота социальных эксклюзий в таких общностях входит в резонанс с процесса-

ми социально-экономической и социально-политической активности, здесь велика доля групп риска депривации и эксклюзии, проблемы которых носят конфликтный характер и требуют приоритетного решения.

Особую роль в формировании трансформационных процессов российского общества, в т. ч. трансформации активности россиян на рынке труда, сыграла экономическая политика, на первых порах практически не учитывающая, как показал опыт российских реформ, социальные факторы, проблемы и последствия (в т. ч. социальное положение людей, социальную структуру общества) принятия экономико-политических решений. Наряду с экономической политикой важнейшим механизмом регулирования социальной активности является социальная политика, призванная решать указанные задачи, и усиление влияния которой, согласно результатам отечественных исследований, наблюдается в последнее десятилетие.

Актуальность исследования трансформационных процессов активности населения на рынке труда определяется также необходимостью модернизации социальной политики как механизма регулирования (регулятора) такой активности, потребностью в развитии инновационных форм и технологий данной политики. Социальная политика в годы реформ также подверглась трансформации, связанной с изменением ее цели, методов и средств, ролей ее акторов, характера их взаимодействия. Тем не менее преобразования в социальной политике не соответствовали более высокой динамичности социальных процессов, в т. ч. процессов активности населения на рынке труда. Низкий уровень информированности органов управления различных уровней о реальных социальных практиках, и главное — отсутствие концептуальной основы социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда являлись причиной возникновения и углубления серьезных противоречий между сложившимися моделями и технологиями социальной политики, с одной стороны, и реализуемыми стратегиями активности населения — с другой. Наличие таких противоречий и создавало в конечном счете основу для низкой эффективности принимаемых социальных решений. Государство как основной актор социальной политики использовало в годы рыночных преобразований преимущественно пассивные формы реализации программ занятости и социальной помощи неконкурентоспособным группам на рынке труда в виде распределения социальных трансфертов, что приводило к формированию дополнительных «ловушек бедности» и слоя «профессиональных безработных». В особой мере это касалось проблемных территориальных общностей, отличаю-

щихся (в сравнении с более благополучными в социально-экономическом отношении общностями) существенно меньшими возможностями проявления конструктивной и инновационной активности их жителей на рынке труда и влияния органов управления на социально-экономические процессы из-за слабого финансово-экономического потенциала.

В монографии представлены результаты изучения тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения России на рынке труда в годы активных рыночных преобразований. Особое внимание в работе уделяется, во-первых, анализу специфики трансформации активности населения в регионах Сибири, в первую очередь в агропромышленных регионах (Алтайском крае и Республике Алтай) и, во-вторых, социальной политики как механизму регулирования активности населения на рынке труда.

Монография состоит из введения, пяти разделов, заключения и библиографического списка. В первых двух разделах описаны теоретико-методологические основы изучения процессов (первый раздел) и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда (второй раздел). В первом разделе проанализированы методологические подходы к изучению трансформации социальной активности населения на рынке труда, представлены теоретико-методологические основы изучения трансформационных процессов социальной активности населения на рынке труда, показана сущность рассматриваемой активности и ее трансформационных процессов; выделены структурные компоненты и характеристики активности. Во втором разделе дана общая характеристика факторов и механизмов формирования социальной активности населения на рынке труда, изложены теоретико-методологические основы изучения социальной политики как механизма регулирования социальной активности населения на рынке труда. Далее проанализировано содержание социальной политики в условиях транзитивного общества, выделены ее структурные компоненты и формы; описаны подходы к оценке эффективности социальной политики как регулятора активности, выделены критерии и показатели эффективности. В третьем разделе представлена методика изучения тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда включая методические основы анализа социального положения населения и социальных эксклюзий на рынке труда, социальной политики как механизма регулирования рассматриваемой активности.

В четвертом разделе описаны основные тенденции трансформации активности различных групп населения России и регионов Сиби-

ри на рынке труда в годы реформ, выделены ее инновационные компоненты и проблемы. Проведен анализ факторов активности социальных групп на рынке труда в условиях меняющегося российского общества, описаны особенности мотивации рассматриваемых групп. Акцент сделан на выявление специфики социально-экономического положения и активности населения на рынке труда агропромышленного региона и сельского рынка труда, проанализированы социальные практики различных групп населения в зависимости от их положения на рынке труда в таких территориальных общностях. Представлены результаты диагностики социальных эксклюзий на рынке труда и форм их проявления в проблемных условиях жизнедеятельности (на примере сельского рынка труда), определены причины их возникновения, оценены масштабы и глубина эксклюзий, выделены группы эксклюзантов и потенциальные группы риска социальной эксклюзии. Рассмотрены особенности взаимовлияния активности населения и социальных эксклюзий на рынке труда.

В пятом разделе рассмотрены процессы трансформации российской социальной политики в годы реформ, ее особенности как регулятора активности населения на рынке труда. Описаны основные направления и технологии, оценена эффективность социальной политики в данной области, выявлены проблемы. Здесь представлены концептуальные положения социальной политики как регулятора активности россиян на рынке труда, выделены перспективные направления и технологии регулирования социальной активности и преодоления социальных эксклюзий на рынке труда.

Автор монографии благодарит всех коллег, принявших активное участие в коллективных исследованиях, связанных с изучением активности населения на рынке труда, и прежде всего — д.с.н. А. Я. Троцковско-го и к.с.н. Л. В. Родионову.